

ПАРАД БЕССМЕРТНЫХ

ХУДОЖЕСТВЕННО - ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ „КРОКОДИЛА“, ПОСВЯЩЕННЫЙ СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ ВООБЩЕ И ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯМ
В ЧАСТНОСТИ.

СОСТАВЛЕН ПО НАБЛЮДЕНИЯМ, ПЕРВОИСТОЧНИКАМ, А ТАКЖЕ ПО СЛУХАМ.

1 9 3 4

САТИРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“
ИЗДАНИЕ „ПРАВДЫ“

Редактор Мих. Кольцов.

Уполномоченный Главлита № В-94834. Изд. № 1089. Заказ № 334. Тираж 15 000 экз.
Материал сдан в набор 1/IX-34 г. Подписан к печати 15/XI-34 г. 4 бум. листа, 133 904
зн. в бум. листе

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

ПАРАД БЕССМЕРТНЫХ

МИХ. КОЛЬЦОВ / КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ
С'ЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Два с половиной года назад ленинградский шофер Мартынов похитил из тужурки своего товарища, шофера Тихонравова, его шоферскую книжку. В отсутствие Тихонравова взял его машину и выехал в город. Затем, Мартынов напился. Напившись, он взял знакомых девушек, начал их катать и наехал на молочницу. В милиции при составлении протокола Мартынов назвал себя Тихонравовым и, вернувшись, тихонько поставил машину на место. Когда эта история выяснилась и преступление Мартынова раскрылось, в гараже было общее собрание. Одна часть собравшихся требовала немедленно выгнать Мартынова с работы и исключить его из профсоюза. Другая часть требовала не только выгнать с работы и исключить из профсоюза, но и арестовать.

Третья, самая кровожадная часть собрания, требовала Мартынова «отвести к писателю Зоценко, и пусть он с него напишет рассказ». (Смех. Аплодисменты).

Именно в это же время одному почтенному московскому редактору принесли сатирический рассказ. Он просмотрел и сказал: «Это нам не подходит Пролетариату смеяться еще рано; пускай смеются наши классовые враги». (Смех. Аплодисменты).

Это, товарищи, вам кажется диким. И мне тоже. Но я вспоминаю, и не только я, а многие здесь вспомнят, как на одном из последних заседаний покойной РАПП, чуть ли не за месяц до ее ликвидации, мне пришлось при весьма неодобрительных возгласах доказывать право на существование в советской литературе писателей такого рода, как Ильф и Петров, и персонально их.

Теперь как будто ничего не слышно о редакторах, которые утверждали бы, что пролетариату смеяться рано. Но мне хотелось бы сказать, товарищи, о наличии других мнений, которые неискушенным человеком могут быть поняты в том смысле, что пролетариату смеяться вроде как бы уже поздно...

Я не стану раздувать вопрос и не возьмусь утверждать, что наша литературная критика отрицает советскую сатиру и ее право на существование. Но не раз и не два в наших дискуссиях и на страницах печати выскакивает тезис о ненужности, о ложной роли, даже о бессмысленности существования сатиры в нашей обстановке.

Тезис этот излагается примерно так.

Всякая сатира испокон веку, на всем протяжении истории литературы, являлась жанром обличительным, оппозиционным, ниспровергающим существующий строй, политический и социальный. Все известные в мировой ли-

тературе сатирики были оппозиционны правительствам и обществу своего времени. Оппозиционность, ненависть к правящим кругам были основным источником их творчества. Она питала их темперамент, она раскаляла их перья огнем... В стране советской, в стране социалистической, где рабочий класс и большевистская партия находятся у власти, могут ли пролетарские писатели, большевистские писатели, заниматься сатирой? Кого они будут критиковать и обличать? Над кем будут издеваться? Над самим собой? Что из этого выйдет?

Отсюда утверждение, что в условиях советского строя, в обстановке диктатуры пролетариата, сатира не мыслима, что она и ненужна.

Но не надо даже быть советским писателем, достаточно быть только современником с глазами и ушами, ощущающими нашу эпоху, чтобы понять всю неправильность и убогость этого утверждения.

Да, это верно: рабочий класс и большевистская партия уже скоро двадцать лет у власти в бывшей царской России и — крепко у власти. Социализм победил — и навсегда. Но разве рабочий класс и колхозное крестьянство Страны советов не ощущают каждый день, каждый час окружение капиталистического мира? Разве это окружение не давит на нас непримиримой враждой, ненавистью и каждый день, каждый час не провоцирует нас на столкновение, на кровавую борьбу? Это столкновение возможно, в любой момент мы ждем его...

Внутри страны уцелели еще корни и пни, остатки капитализма, с которыми еще нужно бороться, которые сами борются и шепчутывают отсталой части рабочего класса и крестьянства свои старые песни. В самой партии есть еще чуждая, мещанская засоренность, она периодически вычищается, но каждый раз в какой-то степени уцелевает.

И разве в нас самих, в тех, кто искренно считает себя новыми людьми, правоверными большевиками, сознательными и преданными строителями бесклассового общества, разве в нас самих не остались еще какие-то старые, мелкобуржуазные, мещанские кислоты, которые незачем вытряхивать каленым железом, но надо же как-то выщелачивать, так или иначе удалять?!

В этих условиях отрицать смысл существования и необходимость советской сатиры — это то же, что отрицать смысл и существование вообще самокритики при диктатуре пролетариата. Ведь такие же доводы, что и против сатиры, выставлялись путаниками, врагами и против самокритики: к чему она нужна, не бессмысленна ли она, ибо какой смысл рабочему классу критиковать самого себя?

Товарищи! Когда с этой трибуны выступал О. Ю. Шмидт, то я был в высшей степени восхищен, прямо-таки растроган отдельными фактами, которые он здесь сообщил. Меня восхитил высокий уровень, и даже, я бы сказал, почти идиллическая форма командования экспедицией на «Челюскине»... Руководить такой экспедицией, при таких событиях, которые она пережила, и руководить, ни разу не повысив голоса, ни разу не издав приказа за номером, — это поистине торжество авторитета главы коллектива и всего коллектива! Но не будем впадать в иллюзию: нам придется еще немало раз покрякивать, потому что далеко не вся страна состоит из челюскинцев. Нам доведется, еще много раз доведется повышать голос. Нам придется покрякивать друг на друга. А сатира — это именно тот жанр советской литературы, которому приходится повышать голос наиболее часто.

Если бы у нас тут собралась конференция по литературному разоружению, собрались бы редакционные дипломаты и стали разбирать разные

виды оружия с точки зрения их допустимости, то, конечно, в первую очередь, в первый же день немедленно и раньше всех была бы запрещена сатира. (Громкие аплодисменты).

Это было бы вполне логично, ибо сатира — самый наступательный, самый атакующий, самый вредоносный вид литературного оружия. Ведь давно сказано, что смех убивает.

Но, товарищи, мы здесь не на конференции разоружения. Мы на съезде идейного, политического, художественного вооружения советской литературы. И здесь позвольте нам назвать наше место: оно в самых первых рядах литературы, на передовой линии огня.

Говоря так, мы, сатирики, вовсе не претендуем на какие-либо специальные привилегии или на какие-либо прерогативы для сатирического жанра. Я слышал, что в связи с тем, что Алексей Максимович открыл пять вакансий для гениальных и сорок пять для очень талантливых писателей, уже началась дележка. (Смех. Аплодисменты). Кое-кто осторожно спрашивает: а как и где забронировать местечко, если не в пятерке, то хотя бы среди сорока пяти? Говорят, появился даже чей-то проект — ввести форму для членов писательского союза... Писатели будут носить форму, и будет она разделяться по жанрам. Примерно: красный кант — для прозы, синий — для поэзии, а черный — для критиков. (Смех. Аплодисменты). И значки ввести: для прозы — чернильницу, для поэзии — лиру, а для критиков — небольшую дубину. Идет по улице критик с четырьмя дубинами в петлице, и все читатели на улице становятся во фронт...

Мы, сатирики, не претендуем ни на особые петлицы, ни на какое-либо специальное положение. Мы, сатирические писатели советской литературы, претендуем на то и добьемся того, чтобы в дальнейшей нашей литературной жизни было уничтожено противоречие между действительным положением сатиры в нашей стране и между отношением к ней со стороны редакторов и критиков.

Каково же это действительное положение? Наша литература обладает внушительными сатирическими силами. У нас есть Демьян Бедный, зачинатель пролетарской революционной сатиры. Есть Безыменский, Архангельский, Зощенко, Ильф и Петров, Валентин Катаев, Зозуля, Никулин, Кирсанов, Борис Левин, Бухов, Ардов, Пустынин и другие.

У наших писателей-сатириков свой сложный путь. Возьмите таких писателей, как Ильф и Петров. Это отличные по технике и талантливые писатели, которым сейчас надо будет сильно задуматься на пороге своих новых вещей. Книги «12 стульев» и «Золотой теленок» имели большой и заслуженный успех и в нашей стране и за границей. Но в этих двух романах сатирически отражена почти исключительно потребительская сторона советской жизни. Ильф и Петров еще не проникли со своей сатирой в сферу производства, то есть в ту сферу, где советские люди проводят значительную часть своей жизни.

Есть еще целая группа писателей в газете, которых принято называть фельетонистами. Этой группе приходится работать не в камерной обстановке толстых журналов. Мы работаем, так сказать, на улице. Перед громадными аудиториями. Мы работаем не под крахмальными книжными суперобложками, а на шершавом газетном листе. Это накладывает отпечаток на нашу работу. Иногда наши рисунки и портреты получаются грубоваты: то у классового врага нарисованы слишком большие клычки, то у стяжателя получаются слишком загнувшиеся лапы. Но, товарищи, мы все-

таки считаем, что в этих сатирических обобщениях мы иногда чаще и ближе подходим к социалистическому реализму, чем иные писатели, которые тщательно, натуралистически выписывают каждый ноготок своих героев и каждую фибру их чувствительной души!

На советскую сатиру есть громадный спрос. Тираж сатирических книг расхватывается моментально. Если до революции в нашей стране был один сатирический журнал «Сатирикон», который хвалился своим тиражом в 15 тысяч экземпляров и который можно было в любом количестве найти на любой станции, то сейчас «Крокодил» в тираже отдельных номеров доходит до 400 тысяч, и его еще трудно бывает купить.

Сатира нужна стране. На нее громадный спрос и в бытовой и в политической жизни. Мы знаем, что вожди нашей партии на съездах часто цитируют — пока, к сожалению, не нас, но классических сатириков русской литературы — Щедрина, Чехова. Будем надеяться, что наша сатира подрастет настолько, что на следующем съезде будут звучать цитаты уже из нынешних сатириков.

Но при этом мы чувствуем в руководящих литературных кругах весьма сдержанное отношение к сатире. Критика гнушается ею близко занимать. С писателями-сатириками (я-то лично от этого не страдаю) — с моими товарищами-сатириками — редактора разговаривают строго. Они считают, что сатира — это жанр, недостаточно полноценный, скажем, для толстых журналов. Некоторые уж очень либеральные редактора заводят в конце журнала, на последней страничке, уголок юмора. Я беру смелость сказать редакторам не только от своего имени, но и от имени наших читателей: заведите лучше в ваших журналах уголок скуки и туда загоните всю скуку, которая ваши журналы одолевает, а журналы в целом сделайте ярче, веселее, дайте в них сатире подобающее место.

Часто говорят, что не надо смешивать сатиру и юмор. Сатира и юмор, как принято считать, суть разные вещи. Да, это разные вещи. Но это вещи, это явления, которые соприкасаются и незаметно переходят по качеству, в его смехе уже исчезают, уже исчезли желчные, скорбные ноты. Самая скорбная сатира должна содержать в себе хоть каплю насмешки — иначе она перестанет быть сатирой. И юмор, со своей стороны, всегда содержит в себе элементы сатиры, если не осуждения, то хотя бы критики того, над чем человек смеется.

Я думаю, что сейчас противопоставление сатиры и юмора советской литературе и критике должно отпасть. Раньше сатирик мыслился только как желчный автор. Был еще недавно в газетах такой псевдоним: «Желчный поэт», он считался очень красивым...

Пока революционная пролетарская сатира вместе с ее классом была слаба, в ней преобладали тоже элементы желчи. Но сейчас, товарищи, когда рабочий класс победил, когда он чувствует все нарастающую свою силу, — в его смехе уже исчезают, уже исчезли желчные, скорбные ноты. Они сменяются новыми нотами. Нотами силы, преобладания, нотами сурового гнева или превосходства над противником.

Поэтому у нас в последнее время наряду с сатирой и связано с ней расцветает юмор. Надо совершенно не понимать нынешнюю эпоху зажиточной жизни рабочего, колхозника, техника, его желания смеяться и шутить, чтобы противодействовать новой волне юмора, которая поднимается в нашей советской литературе!

Рабочий класс уже смеется в нашей стране, он скоро будет смеяться и во всем мире. А ведь рабочий класс — это последний класс в истории

человечества и его производственных отношений. За ним, за рабочим классом, идет уже бесклассовое общество. Рабочий класс — последний класс, и в истории классов смеяться он будет последним.

Потому так горды мы, пролетарские, большевистские писатели-сатирики, своей миссией. Мы еще не собираемся складывать свое веселое и острое оружие! Много нам еще придется поработать.

Если вся советская литература является детищем и частью процесса социалистического строительства, то мы, сатирики, отражаем в литературе одно из великолепнейших завоеваний рабочего класса, его развернутую большевистскую самокритику, уничтожающую для врагов и сознательную для самого рабочего класса. И мы льстим себя надеждой: когда коммунизм победит во всех странах, когда он укрепитя, когда кончатся все войны и не нужно будет вооруженной силы,—если тогда на каком-нибудь острове найдется кучка людей, отстаивающая старое, то к ним будет послан как устрашающая сила самолет «Крокодила». И когда этот самолет опустится и из него выйдут наши советские сатирики со своими рассказами, эпиграммами и стихами, тогда эти люди скажут: «Не нужно, мы сдаемся, мы за коммунизм!» (А п л о д и с м е н т ы).

Шарж Курьезники

В президиуме. Демьян Бедный, Н. Тихонов, И. Эренбург.

I. С'ЕЗД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Шаржи Б. АНТОНОВСКОГО
Эпиграммы А. АРХАНГЕЛЬСКОГО

Как убедителен Маршак,
Простой пример: один ребенок,
Освободившись от пеленок,
Проделал первый бодрый шаг:
Прочтя писателя доклад,
С презрением отбросил соску,
Потопал к книжному киоску
За толстой книгой для ребят.

Столпы драматургии —
Кирпотин и другие*.

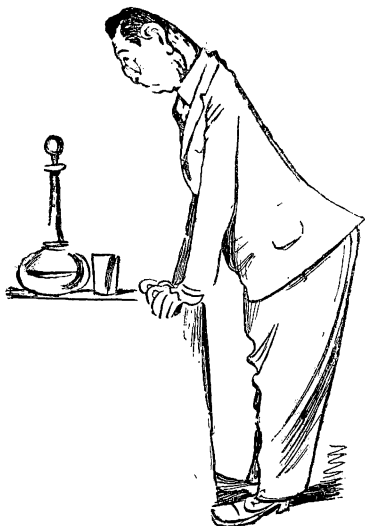
Корнилова узнаем сразу все мы
По самой маленькой строке.
Он сочиняет песни и поэмы
На древнерусском, комсомольском языке.

Песнопевец, гордость наша.
Грудь — баяном, нос — трубой.
Это он — Прокофьев Саша —
Ленинградский громобой.

У Эрэнбурга скромный вид.
Ему несвойственна шумиха.
Фундаментален, как слониха,
И, как крольчиха, плодovit.

Мы обнаружим без труда
В морском романе Лавренева,
Что главная его основа —
В большом количестве вода.

Колхозных дней очеркианец,
Боец заправский,
Почетный и потомственный кубанец —
Владимир Ставский.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ / ЧЕРНОВИКИ НА ПОЛУ

В Доме союзов, внизу, там, где принимались телеграммы и корреспонденции со съезда писателей, кипела работа. (Можно было бы подыскать менее устарелое выражение, но автору некогда). Делегаты съезда, корреспонденты, гости постоянные и гости кочевые — писали, рвали написанное, переписывали и отправляли при помощи всех видов связи свои впечатления, наброски, письма и легкие крики души.

Нам удалось подобрать на полу большое количество неотправленных писем, телеграмм и открыток, скомканных и надорванных нетерпеливой и самокритической рукой их авторов.

Часть из них приводим ниже, в порядке простого раскрытия чужой тайны. В целях творческих у некоторых документов сохраняем орфографию, а там, где она вообще отсутствует, заранее приносим извинения.

Документы располагаем в порядке их нахождения на полу и по степени разборчивости.

I

(Телеграмма; выправлена и послана; как попала на пол, неизвестно).

Сообщаю подробности докладов драматургии тчк Пьесы надо писать хорошо тчк Писать плохо пьесы не надо тчк Плохие авторы пишут плохие пьесы зпт хорошие авторы пишут хорошие тчк Волга впадает в Каспийское море тчк Ночью темно а днем светло тчк.

II

(Открытка с вырванным боком и следами губной помады).

...ступал какой-то Всеволод Иванов. Очень странный. Наверно не писатель. Ни в чем не каялся и говорил о литературной работе. Напрасно таких позволяют...

III

(Кусок последней страницы).

...и никаких скандалов. Думал, что разоблачат, кто зайцем на транспорте ездит, или с чужой теткой живет, а ничего подобного. Съезд проходит вяло. В Доме Герцена веселее. И садик сбоку, и слухов больше. В садике говорят, что Сейфуллина — бывшая графиня. Не то Суворова-Рымнинская, не то Минина-Пожарская. Вот тебе и пролетарская поэзия! Чемодан Ваське не отдавай — загонит...

IV

(Черновик на меню из столовой Дома писателя).

...Из Олеш мне больше всего понравился Бабель. Тоже не пишет, а гордый. И нищим себя не называет, и не молодеет на глазах у пленума. Должно быть, роман задумал. Ну, что же, — в 1953 году тоже хорошие книги нужны будут.

V

(Телеграмма. Скомканá и обкусана с северо-восточного конца).

Заслушав доклад Тихонова зпт выражаем протест тчк Огульное требование хороших стихов считаем выпадом тчк Требование формы и содержания в стихах является необоснованным нажимом тчк. За всем не утонишься тчк Молнируйте как совместный размер стиха со смыслом тчк Шлите подробное письмо учиться зпт или уйти в долгосрочные гении за собственный счет.

Подписи, кроме одной, неразборчивы.

VI

(По оттиску на промокательной бумаге).

...рогая Катя. Не выкидывай из библиотеки Диккенса и не заменяй его Лидиным. Оказывается, что старик не хуже. Вынь из-под кровати О'Генри. С сатириками после с'езда будет легче...

VII

(Начертано на обложке Игоря Северянина).

Василий Егорович. До с'езда я заведывала, как техническая работница Оргкомитета и шатенка, писателями вообще и прозаиками в частности. Теперь разнеслись служки, что после с'езда наша канцелярия больше заведывать писателями не будет, и они будут писать и жить на стороне. Ввиду этого обстоятельства, прошу снова принять меня кассиршей в Ваш уважаемый продмаг № 11.

VIII

(Торопливо, на внутренней стороне конверта. В конце приклеена гербовая марка образца 1909 г.).

Тов. заведующему пожилыми кадрами.

Кандидата в члены союза
Симеона Голубеева

Заявление.

Прошу зачислить меня в число сорока пяти очень талантливых писателей штатной единицей. Как таковая, могу заменять по выходным дням и на банкетах одного из пяти гениев. Имею стаж и подготовку. Раньше служил в Наркомвземе; литературой балуюсь с июня прошлого года. Имею выходной туалет и знакомства на транспорте. В случае заполнения всех сорока пяти мест, согласен в от'езд на должность перековывающегося, с точными и квартирными.

С. Голубеев.

IX

(Телеграмма. Черновик. Мелом на оторванной подошве).

С'езд кончился тчк Что делать тчк Проверьте в библиотеке по классикам можно ли работать без резолюций тчк Срочно купите письменный стол зпт кнопок зпт клея зпт бумагу зпт орфографический словарь и справочник «Как писать романы» тчк Подыщите живого человека для героя тчк Наймите релетитора тчк

ОЛЬГА ФОРШ

(Дама с камнями)

Рис. Н. Радлова

Читатель книгу Форш просил,
Лицо являло грусть и муку, —
И кто-то „Камень“ положил
В его протянуую руку.

И В А Н Д И Т Я / С Т Р А Н Н Ы Й С ' Е З Д

Дорогой друг!

Ты мне пишешь про с'езд: «Замечательно! Небывало! Волнующе!»

Я согласен только с последним определением — «волнующе». Да! Я и сам очень много волновался, очень много расстраивался в связи со с'ездом писателей.

Будем говорить прямо: с'езд прошел очень странно. Во всяком случае — для меня. А это я считаю самым важным для себя.

Вы, провинциалы, из своих логовищ не можете оценивать события во всей их полноте, а нас-то не обманешь.

Хочешь знать, какие мои претензии к с'езду? Изволь, вот они.

Ты, наверное, знаешь, что на с'езде были гости, делегаты с решающим голосом, делегаты с совещательным голосом, президиум и так далее. Давай разберемся во всех этих рангах поподробнее. Установим, так сказать, табель о рангах писателей.

Михаил Кольцов, для которого нет ничего святого, говорил с издевкой, что писателям не нужно знаков отличия на петлицах. А почему, собственно, не нужно? И вообще, кто его, Кольцова, уполномочил высказываться от имени литературы по такому важному вопросу? Разве вопрос о литературных знаках отличия где-нибудь вентилировался? Он, Кольцов, проворачивал его в какой-нибудь инстанции?

Нет, нет и нет!

А по-моему — знаки отличия на петлицах просто необходимы пишущим людям. Это внесло бы огроменную ясность. Во всяком случае, на с'езде.

По существу — что мы имели на с'езде? На с'езде мы имели такие категории:

Гость с разовым билетом. По-моему, этому положению соответствовал бы в качестве знака отличия один кубик или, может быть, три треугольника — ■ или ▲▲▲.

Гость с постоянным билетом. Это уже писатель. Дадим ему три или четыре кубика — ■■■ или ■■■■.

Делегат с совещательным голосом — одна шпала — ■.

Делегат с решающим голосом, безусловно, — две шпалы — ■■.

Член мандатной комиссии. Это еще повышение — три шпалы — ■■■.

Член редакционной комиссии еще выше — ромб — ◆.

Член секретариата с'езда, ясно, — два ромба — ◆◆.

Член президиума с'езда — три ромба — ◆◆◆.

Член президиума — четыре ромба — ◆◆◆◆.

Не правда ли, ясно, просто и понятно?..

Но теперь возникает вопрос: на что могу рассчитывать лично я? Ты знаешь, я никогда не переоцениваю своего таланта. Но по тиражу, по от-

зывают критики, по стажу я считал, что имею полное право на ромб — два (редакционная комиссия или секретариат). Правда, в последней моей книге критика нашла две маленькие мировоззренческие прорехи. Хорошо. Скинем на прорехи еще одну категорию. Но три-то шпалы я должен получить во всяком случае!

Мне дали совещательный голос (одна шпала — sic!).

Я краснею даже сейчас, когда пишу эти строки. Единственное, что меня утешает: я не один обижен. Два поэта, я знаю, вернули свои гостевые билеты.

Значит, я затаил обиду и пошел на с'езд. Ну, думаю, это, может, случайная ошибка. Но я тебе должен сказать: выяснилось, что с'езд организован был, по-моему, плохо.

Единственное, что удачно по части организации, — это то, что в зале заседаний висели портреты классиков — Пушкин, Гоголь, Данте, Шевченко, Руставелли и т. д. Понимаешь ли, сколько было бы обид, если бы вешать изображения современников?

Тем более, что организовать правильное фото- и шаржеснабжение тоже не удалось. Фото иных людей с четырьмя кубиками помещали в двух газетах, а ромбистов не снимали и не рисовали.

Лично я встал, когда в зале снимали делегацию Украины, сзади которой я сидел, и потому пролез в газету «За консервную промышленность». Кукрыниксам я попался нарочно на глаза раз двадцать и нарочно строил очень смешное лицо. Думал, может, заинтересуются меня нарисовать. И не подумали.

И потом возмущает еще, что совершенно не были регламентированы аплодисменты. И не указывали, когда и сколько аплодировать. И в отчетах — путаница. Например, Погодин — докладчик, а в финале его речи отмечены просто «аплодисменты». Олеша только выступает в прениях, а ему — «бурные аплодисменты». Нельзя же так!..

Ну, конечно, и здесь меня обошли: когда я выступал, отметили просто «аплодисменты». Даю тебе честное слово, что аплодисменты были, ну если не совсем бурные, то хоть полубурные. И почти продолжительные.

Потом я, когда шел к трибуне, то споткнулся и сам слышал, как смеялись в зале. Неужели же жалко было внести в стенограмму? (Смех). Эх, да что там!..

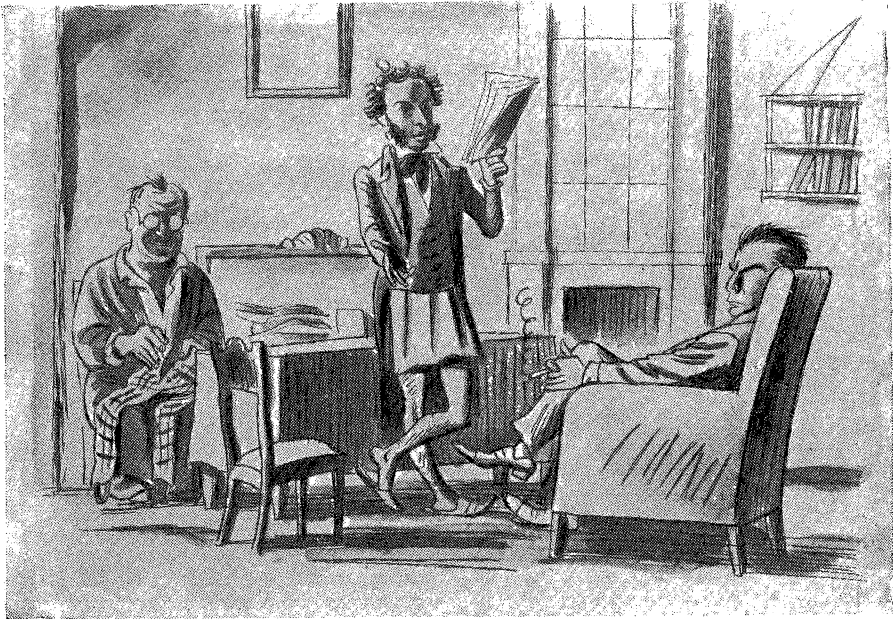
Так что видишь, дружок, вам в провинции не все так ясно и хорошо видно. И с'езд, я считаю, прошел не совсем удачно.

Ну, целую, пиши.

ПУШКИН ЧИТАЕТ СТИХИ ЛУГОВСКОМУ

Рис. Б. Малаховского

По картине Кончаловского

... Взволнованный пришел однажды
Пушкин

К поэту Луговскому. — „Прочитать
Хотел бы я свои произведения.
Я вашим мненьем очень дорожу.
Проконсультируйте меня, маэстро!“
— „Читай!“ — промолвил Луговской,

нахмурясь,
И, закутив, уселся глубже в кресло.
— „Недурно!“ — он сказал, когда читать
Стихиокончил Пушкин. — „Есть задатки...
Слог, правда, груб. Встречаются
длинноты.

Но ничего: я выправлю все это!
Твой белый стих звучит еще коряво,
Эпитеты шаблонны. Но тебе
Я преподам уроков восемь-десять,
И из тебя, возможно, выйдет толк!
Читать, дружок, — читать побольше надо!

Голодного, Алтауэна книги
Ты проштудируй. Жарова стихи
Перечитай внимательно раз двадцать,
Потом писать попробуй так, как он.
Конечно, сразу это не дается, —
Тут практика железная нужна!“
И, по плечу похлопавши поэта,
Встал консультант. Свои тетради

Пушкин
Стал собирать... И, уходя, в сердцах,
Сказал: — „За консультацию спасибо!“

ВОРОБЕЙ-РАЗБОЙНИК

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

От зрителя налево — Кончаловский,
Известный тем, что написал картину,
В которой снял подштанники с поэта.
В художнике заговорила совесть,
И он решил, подштопавши белье,
Вернуть его немедленно поэту...

II. ЛИТФАК НА ДОМУ

ЛИТФАК НА ДОМУ

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ И ПОЖИЛЫХ КАДРОВ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОСТАВИТЕЛИ:

АРКАДИЙ БУХОВ

декан

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ординарный профессор

ЛЕВ НИКУЛИН

экстраординарный профессор

ИЛЛЮСТРИРОВАЛИ:

Л. БРОДАТЫ

Ю. ГАНФ

К. РОТОВ

М. ХРАПКОВСКИЙ

ВНЕШНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Ничто не играет такой решающей роли в литературной судьбе писателя, как его внешность, т. е., так сказать, форма, которая определяет содержание и удельный вес в обществе.

Попытки выработать стандарт единой внешности для всех писательских единиц неизменно кончались крахом. Да и не мудрено! Сама природа создала людей почти непохожими друг на друга, и, хотя все писатели являются членами одной и той же монолитной организации, тем не менее внешность их весьма разнообразна.

Поясним на наглядном примере.

Писатель Иван Евдокимов и критик В. Катанян. В то время как первый является типичным представителем былинного эпоса васнецовского склада (И. Евдокимов), — дру-

го (В. Катанян) мы бы охотно сравнили с лукавым и утонченным вельможей эпохи Псаметиха XXXVII (XV в. до рапповской эры).

Таких примеров можно подобрать достаточное количество, но время наше истекает, и мы перейдем непосредственно к деталям внешности, рекомендуемым нами различным категориям мастеров художественного слова.

А именно:

Прическа. Не приходится доказывать, что волосы являются наиболее существенной и эффектной частью головы — этого комбината образного мышления мастера литературы. Касаясь волос, перейдем непосредственно к лысине.

Надо ударить по рукам тех, которые рассматривают лысину как явление, позорящее мастера пера. Наоборот, достаточно назвать имена Авербаха, Вольтера, В. Киршона и В. Шкловского, чтобы понять полную несостоятельность этого обывательского мнения.

Пышная шевелюра, являясь полной противоположностью лысины, тем не менее несет те же социальные функции, что и последняя. Шевелюра

украшает мыслительный аппарат работника пера. Семидесятые годы, эпоха хождения в народ и упадка помещичьего землевладения, оставили нам незабываемые образцы пышной шевелюры (Рудин). Прodelав длительную эволюцию, пышная шевелюра завоевала себе прочное место у работников аппарата писательских организаций и среди комендантов писательских домов отдыха. Требуя поквартальных расходов на мытье, пышная шевелюра может быть легко заменена небольшой непритязательной бородкой (А. Эфрос) или трубкой (Н. Тихонов).

Баки. Частое и неожиданное изменение внешности отрицательно отзывается на репутации писателя

(Н. Адуев и И. Молчанов). И наоборот. Регулярное пользование баками может сослужить хорошую службу начинающему писателю. При их сравнительно дешевой баки удачно гармонируют с клетчатыми брюками типа «гольф» (см. Одежда). Они придают писателю вид, незаменимый для популярного очеркиста.

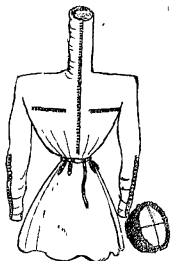
Одежда. «По одежке протягивай ножки».

«По платью встречают, по уму провожают».

«Триста одежек и все без застежек».

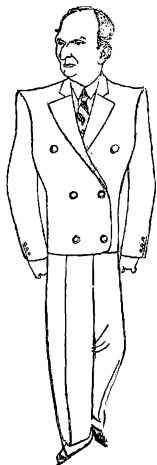
Все это нами почерпнуто из труда одного из самых оригинальных мастеров стиля (Е. Габрилович. См. его книгу «Седла, звезды, цвел, приобрел, надеван») ¹.

а) Толстовка — архаическая форма прозодежды, введенная литорганризацией «Кузница». В настоящее время хождения не имеет и заменяется свободной кавказской рубашкой со множеством пуговиц и накладным наборным поясом (М. Шолохов, А. Фадеев, В. Ставский).

¹ Досадная опечатка: книга мастера (стиля) Е. Габриловича называется «Ошибки, дожди и свадьбы».

б) Брюки, пиджак. Являясь самым распространенным видом одежды среди гражданского населения,

пиджак и брюки, к сожалению, не могут служить отличительным признаком мастера пера, и надо обладать особым изысканным стилем, умением держать себя в обществе, чтобы выделяться и в этой неприятельской одежде (В. Лидин).

в) Гимнастерки, галифе, сапоги. В писательской среде эта форма одежды является результатом удачно заключенных договоров с

соответствующими гражданскими организациями. Упомянутые договора различаются по роду оружия, которое наиболее по душе писателю. Люди, не поддающиеся морской болезни на реках Волге, Неглинке, Клязьме и их притоках, предпочитают изящную форму Наркомвода, которая в сочетании с теплыми валенками достигает

почти арктического эффекта (Сельвинский). Формы пожарных и вагоновожатых городского транспорта в умелых руках производят не менее сильный эффект (А. Виноградов).

г) Головные уборы, автомобили, сигары, мундштуки, палки и собаки — по вкусу потребителя. Все эти детали внешности мастера пера должны строго соответствовать его стилевым установкам.

Эти краткие сведения являются предварительными, без которых, однако, ни одна культурная печатающаяся единица не может рассчитывать на успех среди писательских организаций. Как-то прогуливаясь по берегу Луары, великий философ Жан-Жак Руссо обронил фразу: «Лицо — зеркало души» (перевод А. Радловой), на что сопровождавший его в отдалении Всеволод Вишневский («Большое гнездо») промолвил: «Рубай, братишка!»

Эта немногословная беседа мудрецов двух эпох должна служить путеводной звездой тем молодым дарованиям, которые совершенствуют свою наружность равно как и внутренние ресурсы.

ТВОРЧЕСТВО

С одной внешностью не прожить. Помимо внешности для нужд творчества требуется также целый ряд немаловажных социально-бытовых факторов, а именно: квартира, отопление (паровое или паро-водяное), освещение, морские купанья, загородная дача, творческие командировки и сытная здоровая пища.

«Как стать писателем?» — спрашивает иногда себя организованный член профсоюза и не получает ответа.

Можно ли представить более тягостное и неопределенное положение чем человека, который сидит один в своей комнате, лицом к лицу с чистым листом бумаги?

Что делать? С чего начать? О чем писать? Чем, наконец, кончить? С этими мучительными вопросами едва ли может справиться мастер пера в одиночку. «Ум хорошо, а два лучше», — говорит древняя русская пословица (см. русские пословицы, сказки-указки, шутки-прибаутки, опечатки и

скороговорки Бабьегородской плотиньки. Изд. «Академии»). И правильно она говорит. Поэтому к творчеству рациональнее всего приступать сообща, артельно.

Первичный вид творческой артели есть объединение двоих (Ромул и Рем, Лапин и Хацревин, Кирилл и Мефодий, Ильф и Петров, Брокгауз и Эфрон, Новиков и Прибой). К сожалению, эта форма не дает возможности выделить столь необходимый в каждом производстве треугольник.

Идя дальше по этому пути, мы можем порекомендовать писательское соединение в бригады, а также повзводно, пополуротно и эскадронно. Не исключена возможность образования еще более крупных писательских трестов, комбинатов, картелей и даже концернов.

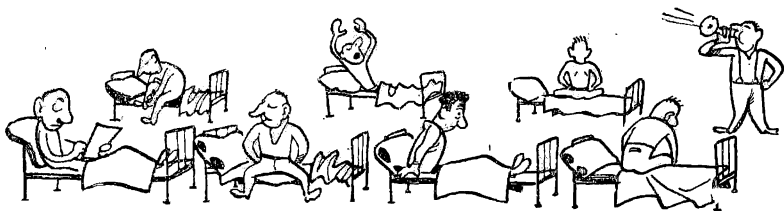
В хорошо организованном творческом комбинате легко достижимы рациональное использование рабсилы и научная организация.

Так например подбор своих и чужих эпитетов возлагается на тов. А. Хранение метафор и сказуемых лежит на тов. Б. Подбор художественных образов поручается тов. В., который работает в тесном контакте с тт. А. и Б.

Наблюдение за чистотой языка возлагается на расширенную ревизионную комиссию из четырех ответственных товарищей. Идеиная нагрузка, переговоры с издательством, вчинение исков, представительство

перед общественными организациями, а также увольнение и прием на работу служащих возлагаются на особо ответственных товарищей, окончивших не менее полного курса девятилетки.

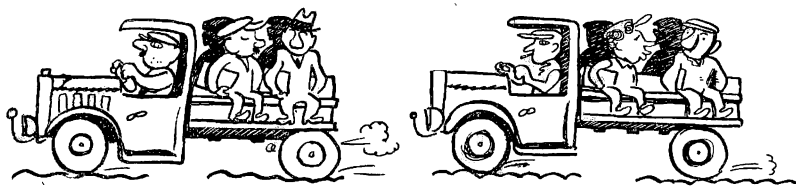
Для того чтобы нашим слушателям был ясен характер этого типа творческой работы, приведем в качестве образца расписание дня трудового расширенного творческого пленума моторизованной литературной артели «Свой труд»:

1. Заря. Побудка и поверка членов артели.

2. Коллективное умыванье, чай и завтрак. Посуточное распределение творческих функций.

3. Выезд за льготными трамвайными и автобусными билетами. Установление телефонной и почтово-телеграфной связи с издательствами и кассами.

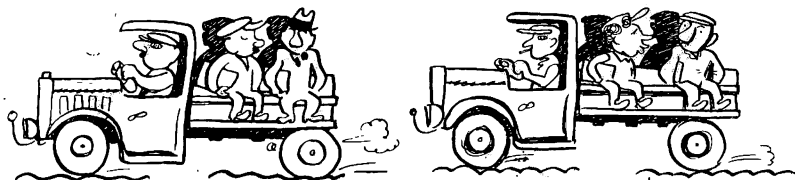
4. Обеспечение артелей оберточной, папиросной и писчей бумагой.

5. Обсуждение творческих заявок на путевки в Крым. Получение кубовых полотенец по ордерам.

7. Легкий завтрак.

8. Творческая вылазка на 9-ю кондитерскую фабрику.

9. Совещание о льготных железнодорожных билетах, предобеденная зарядка и мертвый час.

10. Обед.
11. Легкий завтрак.

12. Авар. Слет всех членов артели. Обсуждение предложения ГОМЕЦ о переработке будущего коллективного романа из быта водников «Вить на Волгу» в водяную пантомиму для цирка Шапиро.

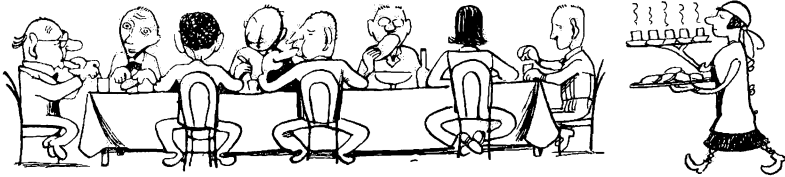
13. Телефонная связь с разными учреждениями и лицами. Вылазка в сад «Эрмитаж».

14. Вечер-смычка со студентками
коннобалетного техникума имени Ос-
тапа Литовского.

15. Ужин. Утверждение творческих
планов завтрашнего дня. Банкет-лек-
ция о задачах моторизованной брига-
ды «Свой труд».

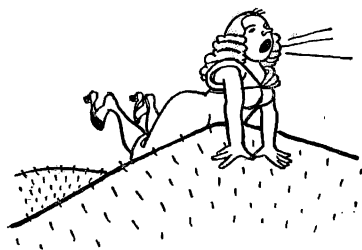

16. Легкий завтрак и сон.

Ясно, что так четко организовать и уплотнить свой день писателю-одиночке трудно, если не невозможно. Впрочем, некоторые технически от-

сталые представители литературы продолжают работать в одиночестве, чем и объясняется недостаточно высокое качество их продукции.

ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

ИСКУССТВО ОТКЛИКАТЬСЯ

Альфа и омега литературного успеха есть искусство откликаться. Искусством откликаться обладали все наиболее видные представители человеческой мысли. Так например Эмиль Золя одним из первых откликнулся на дело Дрейфуса. В настоящее время техника откликания широко шагнула вперед.

Что такое, в сущности говоря, вышеупомянутый отклик Э. Золя? Откликнулся человек и замолк. А настоящий мастер пера должен откликаться регулярно и на самые разнообразные факты общественной жизни. «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат» (см. «Рисунки А. С. Пушкина», сочинения Абрама Эфроса, издание «Академии»).

«Поет ли зверь в лесу глухом, рвет ли дева за холмом»... (Пушкин, там же)—на все полезно откликнуться неглупому писателю.

Вот съезд ревматиков. Он еще не

начинался, но умный писатель уже должен железным голосом диктовать в телефонную трубку:

«Проблема ревматизма не застала меня врасплох. Я часто думаю о судьбах ревматизма. Что можно сказать о ревматизме в короткой газетной заметке?»

Все и ничего. Все — в том смысле, что ревматизм — это классовый бич, и ничего — в том смысле, что мы мало изучили этот бич. Я чувствую себя виноватым перед советской общественностью в том, что не отметил в полном объеме в моем последнем романе «Недвижимость» ревматизм, как суставной, так и мускульный и летучий. Я обязуюсь и вызываю своих товарищей (В. Лидина и Мстислава Вишневецкого - Удалого) отображать ревматизм в своем творчестве.

Большая тема, товарищи! Очень большая тема, товарищи!

Громадная тема! Приступаю вплотную к развернутому охвату ревматиз-

ма и обязуясь закончить свою эпопею «следующему съезду ревматиков. Ура!»

По такой же системе должны составляться отклики и на все другие события: приезд испанских футболистов, отъезд испанских футболистов, приезд голландских почтовиков, отъезд голландских почтовиков, одиннадцатилетний юбилей бюро пивок и семилетний юбилей бюро справок.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ И ОТМЕЖЕВАНИЕ

Искусство откликаться — важное искусство. Но куда более важное и полезное искусство — искусство присоединения и отмежевания.

Ничто так не освежает писателя, как умение вовремя присоединиться и вовремя отмежеваться. Наиболее действенные и распространенные средства отмежевания суть ссылка на:

- а) творческую командировку на периферию;
- б) тяжелое материальное положение в детстве;
- в) отсутствие среднего образования и замалчивание критикой;
- г) отсутствие отдельной жилплощади;
- д) трагические неурядицы, а также досадные опечатки.

Приведем типичный образец отмежевания:

«В моих высказываниях по поводу ревматизма мною недостаточно выпячена, подчеркнута и выявлена социальная природа ревматизма на театре и в кино. Считаю ошибкой поверхностную трактовку задуманной мной темы большого полотна «Жиры и соя». Даю обещание изжить дефекты своего мировоззренческого комплекса ко второму съезду ревматиков.

Требую беспощадного суда над товарищем В. Лидиным и Вишневым (Удалым), которых я по малограмотности и вследствие тяжелого детства вызвал на творческое соревнование, не учтя их литературной нерешительности».

Куда приятнее присоединяться. Делается это просто. Молния:

«Просьба присоединить подпись прекрасными высказываниями товарищей Лидина, Всеволода Вишневого («Большое гнездо») тчк Прерываю творческий отпуск лично пожать руки товарищей ревматиков!»

Впрочем, и отмежевание и присоединение имеют свою прелесть. Фамилия ваша мелькает в печати, читатель привыкает к этой фамилии, что и требуется.

ИСКУССТВО СНИМАТЬСЯ

Вследствие того, что такие гении изобразительного искусства, как Веласкес, Рембрандт, Рафаэль, не могут удовлетворить запросов современного мастера пера, он, к сожалению, должен довольствоваться фотографическими изображениями.

Сниматься следует как можно чаще в профиль и анфас в зависимости от вашей лицевой аппаратуры. Стандартные позы: скрещенные на груди руки,

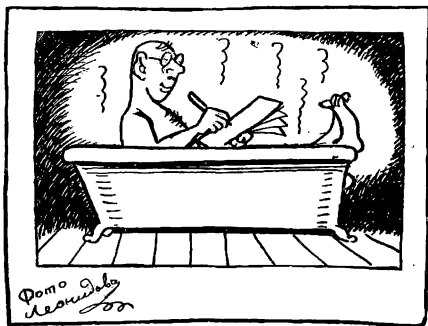

поясные портреты в ванне, а также верхом на лошади следует считать для презайков несколько претенциозными. Снимки в трусах при отсутствии инвалидности снимающегося могут быть рекомендованы только немолодым поэтам (Иосиф Вискобойников, Юрий Уткин).

Бытовой снимок мастера пера за письменным столом, хотя и вызывает сомнение у недоверчивого читателя, тем не менее до сих пор еще производит впечатление. Впрочем, не столь важны поза, выражение лица и детали, сколь место, где помещен портрет: будь то иллюстрированный журнал,

витрина колбасного магазина в дни празднеств или, что гораздо важнее, льготный билет на проезд по рекам и озерам волжской системы.

Не вдаваясь в этот вопрос, мы предоставляем каждому полную свободу в соответствии с его эстетическими вкусами (Серафим Буданцев и Арчибалд Вишневикий).

МАСТЕР НА ТРИБУНЕ

«Пора! Пора! Рога трубят...»
(Пушкин).

Кетовая икра смарагдовой россыпью раскинулась на тарелке, украшенной гербами Мосторга. Салат-паяр, раздвоенный белоснежной вершиной, напоминает Эльбрус (Бр. Тур).

Вежливые труженики общественного питания, помахивая бумажными салфетками, внимают из студня последних мух. Тароватый хозяин, раскрывая дверь, произносит долгожданное: «А теперь, товарищи...»

И вот вы за столом. Минута лихорадочного насыщения, легкая истома и значимое тепло сытости. Взоры обращены на вас, мастера пера, тут то необходимо блеснуть застойной эрудицией, благопристойным словоблудием, по выражению товарищей Салтыкова и Щедрина.

Хорошо поэту: он может отделаться за-

готовленным экспромтом, четверостишием вроде:

«Сей померанцевой настойки
Я пью расплавленный топаз
За то, чтоб все мы были стойки
И выполнили ваш заказ».

В конце ужина поэт может себе позволить более интимный, персональный и куртуазный тост:

«За неимением портвейна
Нам трудно выпить за Вейнштейна,
Но ты хозяин здесь, Вейнштейн.
Вели ж откупорить портвейн».

Прозаику предстоит более сложная работа мозговой аппаратуры.

Вот он постучал ножом по тарелке, встал. С чего же начать?

«Я не оратор, товарищи, — начинает опытный оратор, — но бывают в жизни минуты, когда невольно хочется говорить, и это именно такая минута. Я смотрю на вас, дорогой Григорий Евгеньевич (Иван

Владимирович, Моисей Вениаминович, Александра Дмитриевна), и вспоминая героическое прошлое, холодную, неотопляемую квартиру, скромную домашнюю яичницу на сковородке, а за окном вьюга, пулеметная стрельба и вздыбленная во вьюге Расеюшка, Русь, Расея.

Какая разительная перемена! Вы крупный работник, вы сменили боевой наган на телефонную трубку, и это хорошо. Я тоже. Кто я, вы знаете. Я поднимаю эту чашку за это прекрасное и большое дело, которое мы все здесь задумали с вами. Мы с честью выполним это огромное задуманное вами дело, и наша славная работа по выпуску раскрашенных диапозитивов «Ужасы испанской инквизиции» под редакцией лучших мастеров слова, которых я вижу здесь, придет к блистательному и победному концу.

Большое дело делаем, товарищи! Делаем, товарищи, большое дело. Товарищи, большое делаем дело».

Вдумчивый слушатель, может быть, скажет, что эта речь не отличается глубиной мыслью. Но важен самый факт. Речь сказана, и на другой день в газете удачливый оратор найдет свою фамилию, набранную курсивом, с присовокуплением двух метких строк:

«Как всегда было удачно выступление товарища Воскобойникова», или «товарищ Воскобойников в короткой, но сильной речи отметил...», или «наэлектризовала присутствующих речь товарища Воскобойникова».

Значительно ответственнее и труднее выступление перед более широкой аудиторией, особенно в том случае, если выступление стенографируется. Даже такие квалифицированные и опытные ораторы, как Циндерон, Мейерхольд и Литовский, испытывали некоторое смущение, когда их рассеянный и беззаботный взгляд откры-

вал спрятанную среди лавров и цитрусовых побегов педантичную стенографистку.

Такое неожиданное открытие может приостановить каскад красноречия даже у самого блестящего оратора. Поэтому мы рекомендуем перед началом собрания непринужденно обращаться к президиуму с вопросом: «Стенограмма будет?» И, только узнав, что стенограммы не будет, откровенно шлюзы словотворчества.

В том же случае, если ты вовремя не заметил стенографистки или темперамент сделал свое дело и оратор наговорил лишнего, не все еще потеряно. Существует на этот случай особое средство скорой помощи пострадавшему оратору—правка стенограмм.

Стенограмма правится так.

Образец первый. Записано: «Что же касается товарища Иоанна Безземельного и его последней поэмы «Баркасы идут назад», то я должен со всей резкостью и прямоотой заявить, что мы здесь имеем дело с гнусной халтурой самого низкого пошиба, к которой, впрочем, эта бездарная клыча Иоанн Безземельный нас давно приучил».

После легкой правки это место в стенограмме приобретает такой вид:

«Что же касается нашего талантливого товарища Иоанна Безземельного (Аплодисменты) и его насыщенной оптимизмом и глубокой социальной проблематикой поэмы «Баркасы идут назад», то мы должны со всей прямоотой и искренностью заявить (Голос с места: «Правильно»), что здесь мы имеем дело с той социальной проникновенностью и экспрессией, которые с быстротой арабского скакуна, достигающего горных высот подлинного вдохновения, и являются чертой творчества Ивана Безземельного (Крики с мест: «Ура!» Объявляется перерыв).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Лучшее украшение стенограммы есть удачные возгласы с мест. Возгласы с мест бывают трех родов: патетические, иронические и деловые. Образцы патетических:

О р а т о р. Таким образом творчество поэта Александра Либаво-Роменского (Н. А с е е в с места: «Правильно!») носит ярко выраженный (В. Л и д и н с места: «Безусловно!») или, точнее сказать, совсем неярко выраженный (В. И н б е р с места: «Правильно») характер. (Возгласы одобрения. К о р н е л и й З е л и н с к и й: «Вот именно!»).

И коротко, и не требует большого напряжения, и попадает в печать.

Из наиболее ходовых и эффектных иронических восклицаний с места рекомендуем: «Ого, эге», «Эж его уго-

раздило!», «А Лермонтов?», «А Золя?»

Деловые возгласы, свидетельствующие о большой активности отдельных творческих единиц:

Д о к л а д ч и к: Переходим к персональной оценке... Виноват, вот Брик хочет что-то сказать... (О. Б р и к с места: «Товарищи, просьба не курить!»).

П р о д о л ж а ю: Товарищи Воробьев, Замков и Семушкин расцениваются мной как явление... (Е. Т р о щ е н к о с места: «Нельзя ли закрыть дверь? Очень шумно, товарищи»).

З а п и с к и бывают личного порядка, общественного значения, а также фиктивные.

З а п и с к и общественного характера: «Товарищ докладчик! Вы ничего не сказали о путях раз-

вития зуботехники в странах с преобладающим аграрным населением».

«Не можете ли сказать точно, читают ли Ивана Рахилло на Канарских островах?»

«Действительно ли писатель Борохвостов — побочный сын графа Хвостова?»

«Сколько получает за строчку Анатоль Франс?»

Ответы: «По поводу развития зуботехники ответу особо в стенной газете».

«Ивана Рахилло на Канарских островах не читают».

«Писатель Борохвостов — не сын графа Хвостова, а тем более побочный».

«Анатоль Франс получает за строчку, как вы сами догадываетесь, в иностранной валюте». (Смех в зале).

Записки личного порядка: «Брось трепаться, наши ждут в столовой», или «Довольно Ваньку ломать: все равно выгоним из правления», или «Мой телефон Д 1-55-47,

я шатенка. Спросить Мурку», или «А вчера что говорили?»

На записки такого рода не принято отвечать с эстрады.

Записки фиктивные. Фиктивные записки и блистающие юмором ответы на них сочиняются самим докладчиком раз навсегда, носят стандартный характер и всегда на случай внезапных диспутов хранятся в жилетном кармане.

«Товарищ докладчик! Вчера вы совершенно другое говорили в Кимрах?»

Ответ: «А почему я знал, что вы за мной всюду ездите?» (Взрыв смеха).

Вопрос: «Как вы пишете?»

Ответ: «Как Бальзак». (Смех, аплодисменты).

Вопрос: «Кому вы обязаны своим ростом?»

Ответ: «Папе и маме». (Смех, переходящий в аплодисменты всего зала).

И популярность молодого гения обеспечена.

ЗАКОНЫ АВТОГРАФА

Надписи на книгах являются мощным рычагом в деле приобретения полезных связей. Куда не всегда проникнет лично художник слова, туда легко и безболезненно проникает его книга.

Только невежды и идеалисты пишут чистосердечные и бескорыстные надписи на своих книгах. Каждая надпись должна продвигать творца на командные высоты искусства и совершенствовать его быт.

Мы рекомендуем следующие формы надписей на книгах.

ФОРМА I

(простейшая)

Дорогому товарищу Палкину в память о совместной работе в МУЗО в героические дни 1919 года.

И. Воскобойников.

ФОРМА II

(усложненная)

Ною Владимировичу Бетховскому, финансовому гению издательства «Вывих», с нежным укором по поводу задержки (за второе издание «Баркасы идут вперед» и четвертое издание «Баркасы идут назад») авторского гонорара, приравненного к выплате зарплаты.

Неунывающий Иван
Безземельный.

ФОРМА III

(сложная, в расчете на рецензию)

Мысль художника подается человечеству на блюде критики. Кладу свое творчество «я» на золотое блюдо твоего снисходительного пера.

Ваня, вспомни, как шумел океан!

Б. П.

Июнь—август 1931—1934.

Ямское Поле, буран, метель, Россия.

ФОРМА IV

(сложнейшая, интегральная)

Капитану автостроения от дневального на полубаке советского искусства в знак будущего взнудания стального легкового коня (нельзя ли лимужин?) выпуска 1935 года. У всех есть, а у меня нету...

Заранее благодарный

Линейкин.

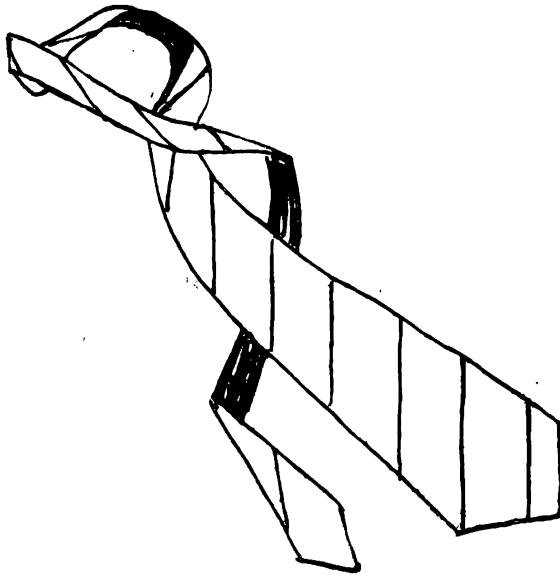
ФОРМА V

(сложнейшая, высшая интегральная)

Тянет на землю. Кричат сычи. Кадмиевое небо полыхает в чащобах. Лопатые облака крылятся на юру. Хочется в Собственное. В Свое. В Деревянное. В Двухэтажное. С Грушевым Садам.

В память ночной беседы о Достоевском и митрополите Паллади.

Леонтий Леонидов
Тел. 000402.

ПРИЧУДЫ ГЕНИЯ

Крупные выгоды во всех отношениях сулит гениальность. Значительно выгоднее быть тением, чем рядовым писателем. Для рядового гения необходим прежде всего хорошо подобранный ассортимент причуд, чудачеств и других незатейливых уклонений от стандарта.

Известно, что Бьернстерне-Бьернсон обычно выпивал 1,3 грамма сырой воды и только тогда садился за творческую работу.

Аристофан перед посадкой за очередную комедию долго и медленно передвигался по древним Афинам, оглашая заунывными гекзаметрами портики и атриумы местного репертуарного комитета.

Автор «Недоросля» Фонвизин часто засыпал в лифте, а Алексей Толстой играл в теннис с завязанными глазами.

После долгого и систематического изучения причуд и поведения гения нам удалось составить —

СПИСОК НАИБОЛЕЕ ДОСТУПНЫХ ДЛЯ ВСЯКОГО НЕСЛОЖНЫХ ЧУДАЧЕСТВ В БЫТУ И В ТВОРЧЕСТВЕ

Приводим его без сокращения:

1. Неподача в срок декларации о доходах.

2. Прогулки в нижнем белье по коридорам коммунальных квартир.

3. Произнесение вслух парадоксов, афоризмов, теорем и отрывистых метафор.

Образцы:

а) Мир страшен!

б) Жизнь прекрасна!

в) Эпоха — это я плюс вечность минус современность.

г) Гете выдуман Шекспиром.

Вышеупомянутые аксиомы должны произноситься в наиболее людных местах с достаточной экспрессией и жестикულიацией. Не мешает при этом сорвать с себя галстук.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ЧУДАЧЕСТВА И ПРИЧУДЫ

Бескорыстие и пренебрежение к материальным ценностям, граничащие с подвижничеством, как-то:

а) публичное разрывание бумажного рубля и тщательное склеивание его дома папиросной бумагой;

б) швыряние на пол пиджака и осторожное попираие его ногами;

в) публичное сожжение большого психологического романа при наличии двух копий с него;

г) муссирование слухов о тяжелой психической травме, происшедшей вследствие грубой рецензии на последнюю книгу;

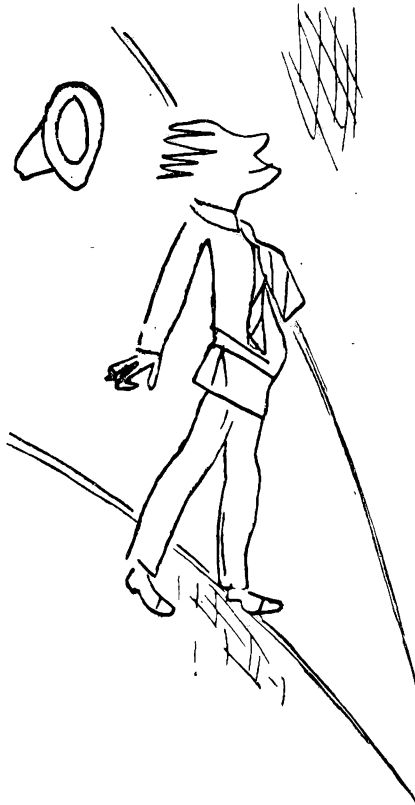
д) героическое падение на рельсы городской железной дороги в часы приостановки трамвайного движения,

между двумя и четырьмя часами пополуночи;

е) появление зимой на площадях и улицах в майке и тапочках, писание не поддающимися расшифрованию почерками: клинописью, елизаветинским, бекасинником, печатными буквами, детскими закорючками, китайским пентитом.

ВНИМАНИЮ МОЛОДЫХ КЛАССИКОВ

Вывинчивание электрических лампочек в местах общего пользования, ношение неприсвоенной формы, чтение капитальных поэм вслух на вокзалах, пароходных пристанях и на почтамте, присвоение чужих рукописей, образов, сравнений и знаков препинания, а равно наем для черной работы престарелых мастеров пера чудачествами не считаются и преследуются по закону.

КАК БЛИСТАТЬ ЭРУДИЦИЕЙ

Для того чтобы достигнуть популярности, писатель должен быть эрудитом, т. е. иметь при себе стандартный набор цитат, исторических фактов, фраз на иностранных языках, избранных новостей техники и науки и десятка два благозвучных иностранных имен: Луиджи Пиранделло, Эри-Хозе, Мария-Эредия, Вильде-Лилль Адан, Сандро Ботичелли, Сандро Ахметелли, Амаглобели, Мультиатули, Фердоуси и А. Гарри.

В салонной беседе в социально-бытовом секторе группкома или в коридоре редакции ежемесячного журнала бесполезно поразить окружающих накопленными знаниями, почерпнутыми из отрывного календаря, возбуждая всеобщую зависть и нескрываемое уважение.

Так например при оживленном разговоре о погоде никогда не помешает

скучающим голосом вскользь заметить:

«В день Ватерлоо шел проливной дождь. Наполеон получил насморк — и битва была проиграна». На этом месте мы категорически рекомендуем остановиться, дабы не выболтать дальнейшего содержания календарной страницы: «Восход солнца — 6 час. 32 мин., заход солнца — 8 час. 17 мин. Продолжительность дня — 4 часа. На первое — суп с клецками, на второе — зразы с кашей, на третье — клюквенный кисель. Родился Абрам Эфрос. Умер Бакунин. Народные поверья: «Дождь на Егория — скверная история».

Недурен также факт — свеженькое научное сообщение из прикладной физики о том, что тело при погружении в воду теряет в весе. («Восход солнца — 12 час. 12 мин. Заход солнца —

11 час. 32 мин. Суп с фрикадельками. Умер Бакунин. Народные поверья: «Дождь на Прасковью — порадует морковью». Сорокадвухлетие со дня рождения Абрама Эфроса»)

Осторожно оглянувшись и убедившись, что в помещении нет людей, знающих иностранные языки, очень эффектно бросить хотя бы итальянскую фразу «Си нон е веро, е Бен-Торкватто» и тут же бегло перевести

ее на русский язык для желающих: «Хоть неверно, но из Торкватто Тассо».

Тут же не помешает пересыщать фразы короткими гальскими восклицаниями, произносимыми в нос: «О-ля-ля», «се бон», «коман са ва», «вуй», «се ла ви» и т. д., чтобы никто не заподозрил будущего классика в отсутствии широкого среднего образования.

КОМАНДИРОВКИ И ТВОРЧЕСКИЕ ВЫЕЗДЫ

Творческой командировкой называется удачно скомбинированный вид отдыха мастера пера, оплачиваемый неосторожным издательством или взволнованной литорганизацией.

Творческому выезду обычно предшествует целый ряд побочных обстоятельств, тесно связанных с литературным положением и социально-бытовыми нуждами будущего классика, а именно: неудачей с переделкой «Цусимы» в цирковую водяную пантомиму, внезапной ревизией в издательстве, смертью любимого критика, а также отказом в приеме в союз советских писателей.

Как в этих так и в других случаях направление для выезда все равно следует брать на юг, календарно приурочив его к так называемому виноградному сезону. Надо прямо сказать, что освоение виноградной зрелости и окисления молодого вина так же почетно для мастера пера, как и всякая индустриальная проблема. Не важно, что именно художник слова вывезет после творческой командировки, будут ли это живые люди для большого полотна или два ящика прессованного изюма и урюка, — важно, как он ведет себя во время командировки.

Лев Толстой, будучи в командировке, не пользовался услугами местной милиции и работников коммунального хозяйства. Почти то же самое можно

сказать о Сервантесе и Гоголе. Но классическое наследство надо осваивать с осторожностью, и мастер пера может пойти по другому руслу и не отказываться как от банкетов, так и от приобретения сыра и валенок на зиму при помощи гостеприимных и радужных туземцев, встречающих его на вокзалах. («Все возьму, сказал булат», А. С. Пушкин).

Задержавшись случайно на какой-либо стройке и воспользовавшись короткими переборами в пассажирском транспорте для освоения строительства, мастер пера неизбежно должен поделиться своими впечатлениями с руководящим персоналом новостройки. Для этого существует ряд уже проверенных по своему воздействию на окружающих фраз и восклицаний, как-то: «Спасибо за гигант!», «Это забываемо», «В моем романе вы все узнаете себя», «Большое дело, товарищи!»

Пусть все эти восклицания прозвучат даже на открытии станционного садика — здесь дело не в этом. Все равно мастеру пера будет вручена соответствующая грамота на одной четвертушке линованной бумаги, на которой будет ясно и точно сказано, что «пребывание Люцилия Дуванцева на станции Малые Хопры заглоло энтузиазмом работников буфета и его выступление с чтением своих произведений помогло открыть до срока запла-

нированный сад-гигант для всех граждан».

Такая грамота, уже не говоря о ее биографическом значении, даст возможность будущему классику для вне-

очередного заказа на большое полотно — производственно-батальный роман-трилогию «За буфеты на колесах!» — и репутацию беллетриста-производственника.

ВОПРОСЫ ДРАМАТУРГИИ И ДРУГИЕ

Ввиду того что значительный процент мастеров пера подвержен систематическим припадкам драматургии в тяжелой форме, мы считаем долгом человеколюбия привести несколько полезных рецептов и советов, которые, если и не вполне излечат заболевших (ибо драматургия, увы, — болезнь почти неизлечимая), то во всяком случае, хоть немного облегчает страдания несчастных.

Прежде всего возникает естественный вопрос: как надо писать пьесу?

Пьесу надо писать хорошо. Действующие лица должны разговаривать, стрелять, плакать, смеяться, раскаиваться, перерождаться, тонуть в мещанском болоте, плыть по бурным волнам энтузиазма, целоваться, разговаривать по телефону, курить, сморкаться, снимать и надевать пальто, писать записки и т. д., но это — не главное. Это еще не обеспечивает высокого качества пьесы. Высокое качество пьесы обеспечивает следующее: действующие лица должны правильно и своевременно «входить» и «уходить». Вовремя поставить «входит» или «уходит» — вот в чем гвоздь успеха для страдающего драматургией. Без «входит» и «уходит» не могли обойтись даже такие крупные мастера пера, как Чехов, Левицкий и Леонид Андреев. Затем, в списке действующих лиц обязательно надо дать обширные и тонкие художественные характеристики.

Например:

1) Борис Иванович Удальцов. Машинист. Член комсомола. 24 года. Странный парень. Глаза ясные, шутить открыт и четко виден ему. За личное не борется. Считаёт: оно само явится в правильных формах. Но быт за невнимание мстит ему, и вырваться он не может.

2) Кошолкин, Егор Тимофеевич. Машинист, около 40 лет, беспартийный. Чувства честные, мозг запутан. В борьбе так и падает на рубеже двух эпох.

3) Кошолкина, Праксодья Федоровна. Её мать. Старуха 92 лет. Машинистка. Беспартийная. Верит, но не знает, во что. Молится, но не знает, какому богу молится. В конце третьего акта или в начале четвертого вступает в комсомол. Глаза карие. Нос обыкновенный. Особых примет не имеется. Любит обедать.

Кроме того, надо обратить серьезнейшее внимание на красоту и экспрессию ремарок. Ремарки украшают пьесу и создают авторам репутацию высококультурных и глубокохудожественных.

ственных мастеров сцены. (Вс. Вишне-
невский). Рекомендуем следующие ре-
марки:

Маша (судорожно). Я знала, что
ты уйдешь. Я знала. Да. Знала. Я.
(Плачет). (За окном гремит, нарастая,
мощная симфония фабрично-заводских
гудков и самодеятельных оркестров.
Звуки встают один за другим подобно
скалам, промоздящимся над Андами,
Пиндами, Пиринеями, Гималаями...
Они растут, растут... Небо пересекают
ножи прожекторов. Летят эскадроны
самолетов и дирижаблей. Восходит яр-
кое солнце, затопляя театр своими лу-
чами. Занавеска на окне нервно бьет-
ся как подстреленная птица. Гремят
оркестры самодеятельности. Длинная
пауза. Занавес).

Или:

Вася (падая с аэроплана). Про-
щай, эпоха! Я твой! Прощай! (Пада-
ет на землю. Лежит убитый на рубе-
же двух миров. Гремит, нарастая,
мощная симфония самодеятельных ор-
кестров. Идут, идут, идут люди с
красными знаменами. Ольга рыдает.
Пауза. Занавес).

После того как пьеса готова и от-
печатана на пишущей машинке, авто-
ры садятся в трамвай и везут свое
произведение в театр. (Рекомендует-
ся театр большой, вместительный и
хорошо посещаемый). Там они остав-
ляют пьесу, приложив к ней примерно
такое препроводительное письмо ди-
ректору или главному режиссеру¹:

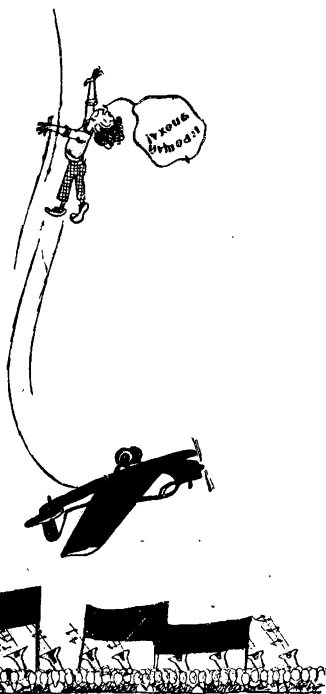
«Глубокоуважаемый

Цезарь Арнольдович!

Так как театр Рейнгардта в Берли-
не ликвидирован фашистами, а па-
рижский Одеон закрыт на летний ре-
монт, экземпляры нашей пьесы зате-
рялись, и мы не могли передать вам
нашу пьесу немедленно. Прилагаем к
настоящему письму единственный,
оставшийся у нас рабочий экземпляр
со вставками и наклейками. Мы при-
вели его в исполнение «читабельный» вид.

Пьеса, как вы сразу увидите, сдела-
на в манере классической комедии

¹ К сожалению, документ, за исключени-
ем одной фразы, подлинный.

(Гольдони, Гоголь и пр.) на советском
материале. Типаж взят почти с нату-
ры.

По договоренности с республи-
канским эфиромасличным трестом
(«РЭМТ») мы в целях ознакомления
с материалом специально выезжали в
Абхазию (и Крым) на цветочные
плантации (и перегонные заводы)
«РЭМТа» и знакомились с производ-
ством духов в лаборатории компози-
ций парфюмерной фабрики «Новая
заря» треста «ТЭЖЭ» в Москве. По
линии производственной консультиро-
вал профессор Рувовский (психология
запаха) и главный парфюмер треста
«ТЭЖЭ» иностранец (француз) Ми-
шель (композиция ароматов); по во-
просам этнографии (быт, абхазские
поговорки и пр.) авторы получили
консультацию в «КУТВЕ» (Коммуни-
стический университет трудящихся
Востока); по вопросам коммунистиче-
ской этики (в данном случае — рез-

ность) авторы имели беседу с тов. А. Сольцем.

Отзывы о пьесе можно получить у гг. Литовского (Г. Р. К.), Млечина (Мособлреп), Маркова (МХТ I), Гордона Крэга (Ривьера), где-то возле Рапалло, д. № 2, кв. 6, и т. д.

С глубоким творческим уважением и напряжением. Авторы:

А. Зинченко,
Б. Конченко,
В. Вовченко,
Н. Вовсе».

Если это не поможет, то не знаем, что и посоветовать. Надо писать новую пьесу. Когда все оригинальные темы для пьес будут исчерпаны, можно, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к инсценировкам.

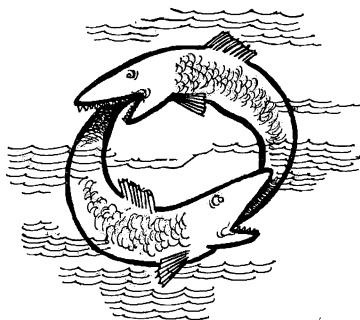
Предпочтительно инсценировать литературные произведения, пользующиеся широкой популярностью. Но так как благодаря неугасимой энергии инсценировщиков пышные луга российской и мировой словесности вытоптаны (см. инсценировки Лескова, Гоголя, Горького, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Флобера) и пастись уже негде, мы рекомендуем броситься в непечатые котлованы и низины точных наук прикладной техники и наглядных пособий.

Что может быть суше четырех правил арифметики? А ведь при умелом освоении материала какие богатейшие коллизии, какая увлекательная борьба страстей и противоречий, какое высокое напряжение всех четырех действий, какая запутанная интрига (см. Шкриб, Сарду, Скваркин) заключена в любом задачнике арифметики!

«Торговец продал покупателю 4 цыбика цейлонского чаю первого сорта по 144 руб. за цыбик и шесть цыбиков китайского чаю второго сорта по 88 руб. Покупатель смешал весь закупленный товар и продал его в розницу, получив 22% прибыли на каждый фунт. Спрашивается: почему продавал кило смеси?»

Казалось бы, скучно, схематично и безыдейно. Но, товарищи драматурги, взгляните вплотную и вы увидите законченный, завершённый сюжет большой социальной насыщенности.

На самом деле, продавец торгует чаем. Колониальная проблема во всей своей отвратительной наготе встает позади торговца, продающего цыбики, созданные наемным трудом. Но одна акула насккивает на другую, еще более хищную. И вот уже вырисовался крупный конфликт: гадина поедает гадину.

Чай продан с большим убытком и уже сделался предметом низкой и бессовестной спекуляции. Второй торговец богатеет на глазах, вырастает в монументальную фигуру, не брезгающую никакими авантюрами, для того чтобы обогатиться и завоевать рынок.

Да что говорить! А бассейны с двумя трубами с вливающейся и выливающейся водой! А дети, которых родители несправедливо одевают яблоками и грушами? А обманутые покупатели синих и красных суконов? А поездка, выходящая из точки А в точку Б? Короче говоря, весь задачник Шапошникова и Вальцева является блестящей канвой для социальной, бытовой и психологической трагедии (или комедии).

Товарищи драматурги, кидайтесь, пока не поздно!

Вот предлагаемая нами схема-каркас:

ШАПОШНИКОВ и ВАЛЬЦЕВ

Народная драма в 4 действиях из эпохи упадка торгового капитала
в борьбе с синдикатами и трестами

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДОРМИДОНТОВ, Пров Фомич—купец 2-й гильдии, 64 лет, набожен, суров в быту, старообрядец. Прихрамывает, скуповат, но с хитрецой.

АЛЕШКА — подручный. Кудрявый парень. Вечно напевает „Ваньку-ключника“, тайно любит хозяйскую дочь, но мешает социальное неравенство. Беспартийный.

ФЕДУЛОВ — 1-й гильдии купец. Западник. Делец американской складки. Собирает новую западную живопись, 48 лет, но выглядит старше.

АГНИЯ—его жена, из обедневших дворянок, бывшая институтка-смолянка, может нравиться. Впоследствии вдова.

Гости, пожарные, водолазы, железнодорожная администрация, цыбики и другие.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Душный лабаз в Замоскворечье. Вторая половина девяностых годов. Темнеет. В Зарядье поют слепцы. Алеша подливает из чайника щербатый пол лавки. Пров Дормидонтов щелкает заскорузлым пальцем на счетах. В углу — цыбики.

Дормидонтов (вдыхает).
Шесть цыбиков я получил с та-
можни
И пошлины порядком заплатил.
Товар лежит, а прибыли не видно.
О, господи, тужка твоя десница!
Хотя бы фунт кому-нибудь
продать.

Федулов (входя).
День добрый, Пров Фомич!
Прослышал я,
Что цыбики ты получил с
таможни,
А я чайком побаловаться рад.

Дормидонтов. Ну что же, в
добрый час!

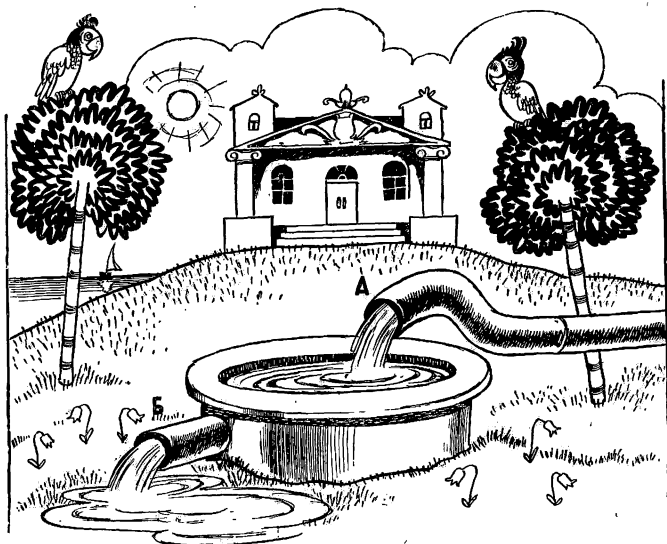
А много ли берешь?
Федулов. Я все беру (в сторону),
смешаю чай тотчас же

И наживу сам-триста.
(Долго торгуется. Темнеет. Пров Фо-
мич под влиянием тяжелого матери-
ального положения отдает цыбики за
полдены. Чистая перемена. На зад-
нем плане появляются фигуры цейлон-
цев, работающих на чайных планта-
циях. Темнеет. Пров Фомич, взды-
хая, запирает лабаз. Занавес).

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Роскошная вилла, построенная в Алушке, на выручку с чая. В центре мраморный бассейн, в который мелодичными струйками вливается вода из трубы А и выливается из трубы Б.

На деревьях сидят собственные попугаи. На соломенном шезлонге лежит в белых брюках Павленко.

Песня вливающихся струй

Мы, легкие струи,
Мы льемся из тьмы,
В бассейн драгоценный
Вливаемся мы.
При этом, родные,
Порадуем вас:
Четырнадцать ведер
Вливаем мы в час.

Песня выливающихся струй

Мы, легкие струи,
Мы льемся во тьму,
Покинув бассейна
Глухую тюрьму.
При этом, родные,
Порадуем вас,

Что ведер двенадцать
Мы вылили в час.

Бассейн наполняется, происходит наводнение, в котором гибнет семья купца Федулова, кроме жены, которая в отъезде. Темнеет. Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Купец Дормидонтов, разоренный и описанный за долги, едет из города А на поезде в город Б со скоростью 42 верст в час. Навстречу ему едет из города Б вдова безвременю погибшего купца Федулова. На месте их встречи занавес. Поют слезы. Конец.
«А четвертое действие?»—спросит заинтересованный драматург. Можно и четвертое, но не стоит. Дайте и другим драматургам заработать.

ИСКУССТВО ПЕРЕСТРОЙКИ

Всякий должен уметь перестраиваться. В то же время следует предупредить слушателей, что овладение искусством перестройки—далеко не легкое дело. Затянувшаяся перестройка может повредить перестраивающемуся. Спешить с перестройкой—тоже невыгодная во всех отношениях вещь. Из всего этого слушатель может заключить, что искусство перестройки—сложная и деликатная проблема для художника слова.

По своей технике процесс перестройки можно разделить на:

- перестройку капитальную,
- перестройку на ходу,
- перестройку на лету.

Капитальная перестройка подготовляется исподволь, загодя и в плановом порядке. Она требует времени и со-

лидной постановки дела. Такая перестройка осуществляется при помощи одного, двух или нескольких ассистентов—поддужных. Предпочтительно в числе ассистентов иметь испытанных мастеров-критиков, знающих свое дело, не пьющих и почти грамотных.

В чем заключается роль ассистентов—поддужных при капитальной перестройке?

Допустим, творческая единица—Луковицын—находится в состоянии, близком к перестройке. Ежемесячник «Тот свет» выпустил его труд «Жить можно». В труде говорится вкратце о том, что с советской властью, в общем, жить можно.

Критик-ассистент дожидается того момента, пока «Литературный утюг» облат роман «Жить можно». Как

только данное событие произошло, ассистент выступает с большим опусом под названием «Осторожнее с клиентами»:

«Оголоушив моего подзащитного Луковицына, обозвав его обывателем, нытиком и паскудой, товарищ Мамкин выплескивает вместе с водой и ребенка. В тот самый момент, когда мой подзащитный писатель делает шаг вперед к капитальной перестройке своего мировоззренческого аппарата, товарищ Мамкин дает ему форменную подножку и таким образом приостанавливает продвижение товарища Луковицына на пути к осознанию полезности электрического освещения, общественного питания, однодневных домов отдыха и троллейбусного движения.

Осторожнее с Луковицыным, товарищи. Он нервный! Он на диете! Его в детстве ушибли! Да, он перестраивается! Он сделал шаг, полтора шага, быть может. А может, и два шага. Нельзя так, товарищи!»

Следуют цитаты: Гегель, Фейербах, Серебрянский.

Полезно также в разгар полемики опубликовать письмо убитых горем товарищей:

«В «Литературном утюге» несправедливо охаян роман Луковицына «Жить можно».

Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что в романе «Жить можно» мы имеем дело с типичной перестройкой мировоззрения тов. Луковицына. На 178 странице этой высокохудожественной прозы тов. Луковицын признает пользу электрического освещения, книгопечатания и не сомневается в том, что среднее образование полезно. И проглядеть эти типичные черты перестройки, не заметить шага вперед, сделанного крупнейшим художником на шестнадцатом году! Фи! Стыдно!»

Следуют подписи творцов:

Кроликов (отец), Кроликов (сын), Вологодский-Курский, Житомирский-Ростовский-Пятигорский, Белл Белавина, Ельник-Мельник, Фараонов-

ский, Лева Борин и еще восемнадцать неразборчивых.

Вот пример капитальной перестройки с поддужными.

Перестройка на коду не требует подобной затрат энергии.

Она может выразиться в простом письме в редакцию:

«Признаю мой роман «Извлечение корня» форменным бредом, белибердой, искажающей действительность и дезорганизующей нервного читателя. Обещаю в моей новой новелле «Двойное сальто» (печатается в журнале «Тот свет», отдельное издание выходит в издательстве «Булат и млат») исправить мои коренные ошибки и выявить целостное, устойчивое мировоззрение. С почтением такой-то».

Перестройка на лету еще проще.

Для нее требуется острое зрение и умение расшифровывать выражение лица слушателей.

1-й пример. Оратор произносит речь:

«Искусство для искусства! Нельзя отмахнуться от этого лозунга, товарищи». (В зале кислые мины и покачивание головами). Оратор продолжает: «Так говорят оторвавшиеся от действительности обыватели, но лично я считаю...» (и так далее по пути перестройки).

2-й пример. Разговор мимоходом:

«Социалистический реализм! Легко сказать, дорогие мои, а вы попробуйте... (внимательный, настороженный взгляд собеседника), а вы попробуйте найти более четкое и исчерпывающее нашу эпоху определение литературного сегодня, страны, строящей...» и т. д.

3-й пример такого же порядка:

«Произведения писателя А. мне всегда казались примером узкого, плоского подхода к действительности (угрожающий поворот головы собеседника) — так думал я много лет назад, пока оздоравливающая струя событий не научила меня...» и т. д.

Вот несколько примеров перестройки на лету.

Разумеется, мы не исчерпали и десятой доли темы нашей лекции, но при отсутствии на рынке научных пособий наша наметка принесет известную

пользу начинающему труженику головного мозга, посвятившему себя служению «взыскующему граду» человечеству.

(Град не следует понимать как атмосферный осадок).

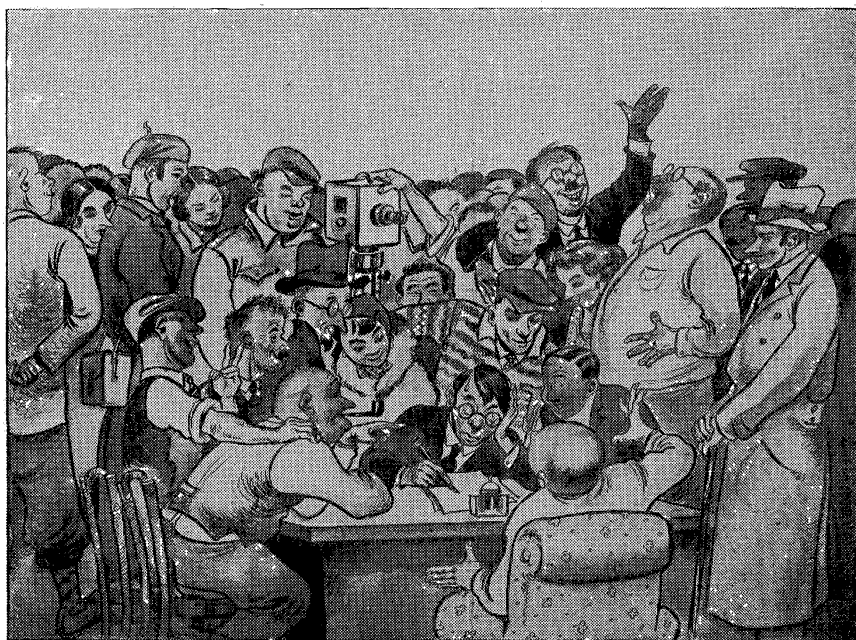
ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

«А как же, в общем, писать, чтобы вышло хорошо и художественно?» — спросит вдумчивый читатель. А кто его знает, в сущности говоря! Возможно, что на этот вопрос мы ответим в другом капитальном труде. А может, и не ответим.

ЕЩЕ О СОАВТОРСТВЕ В КИНО

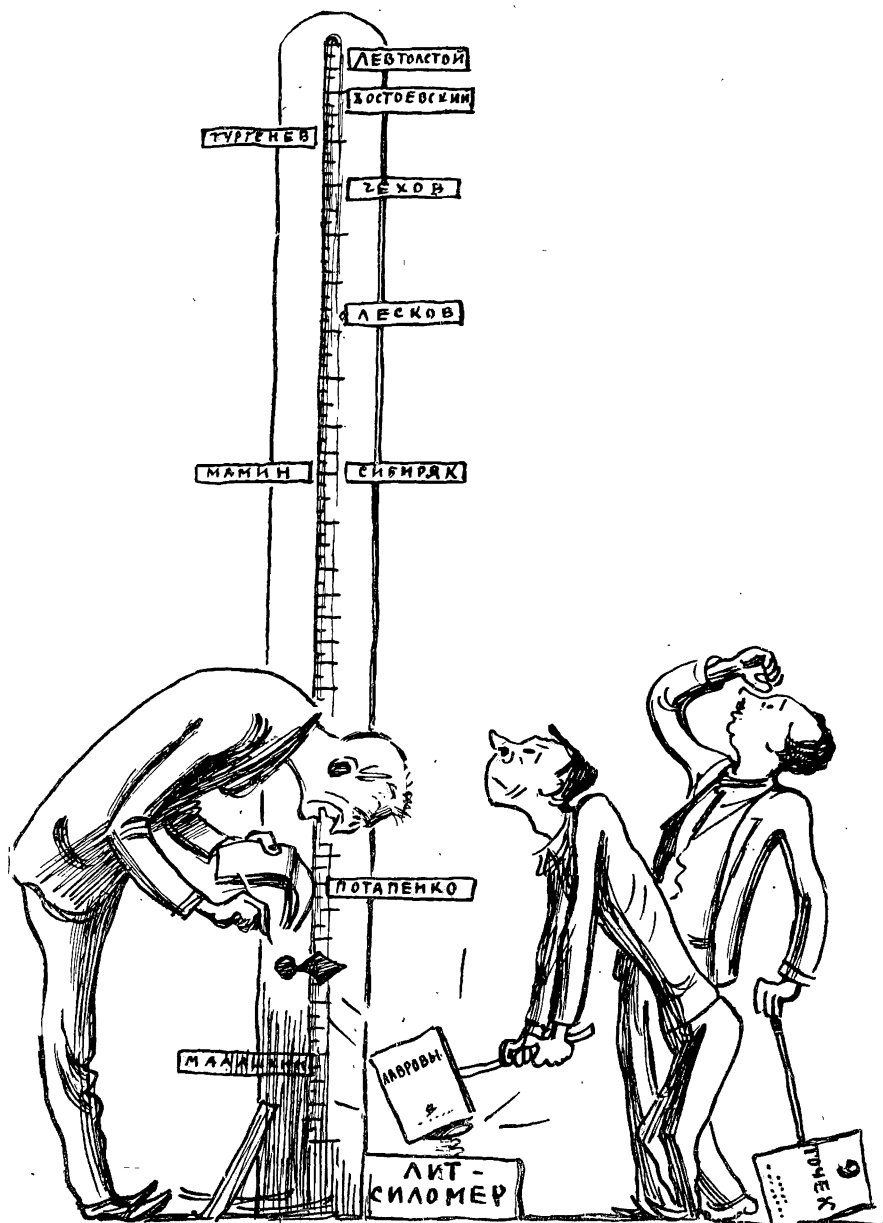
Рис. М. Храпковского

По картине И. Репина

Автор сценария (в центре) и его соавторы

III. ...А ВСЕ-ТАКИ ОНИ ВЕРТЯТСЯ!

КРИТИК-АВТОМАТ

Усилья—выше всяких мер
Слонимского и Козакова.—
Но все ж твердит литсиломер,
Что далеко им до Толстого.

И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ / КИПУЧАЯ ЖИЗНЬ

Добра немного на двоих,—
Об этом знает и ребенок:
Всего имущества у них—
12 стульев и теленок!

Журналы бывают толстые и тонкие.

Но это только в теории. На самом деле тонких уже давно нет. Они закрылись. Подписчикам обещали вернуть деньги, но не вернули. (Согласитесь, было бы просто бесхозяйственно разбрасывать деньги направо и налево).

Итак, остались толстые. Среди них есть более толстые и менее толстые. И чем тоньше толстый журнал, тем многочисленнее его редколлегия. В самом тонком толстом количестве членов редколлегии достигает двадцати человек. Если бы этих людей собрать вместе, то получилась бы внушительная демонстрация, так сказать, боевой смотр литературных сил.

Но разве их соберешь! Их невозможно собрать. Большинство из них вообще не знает, что состоит в членах, а меньшинство к литературе никакого отношения не имеет, литературы не любит и занято на хозяйственной и профсоюзной работе. Тем не менее редколлегии разрастаются, и скоро уже вместо заседаний надо будет применять более совершенные методы собирания людей в одну кучу: «Объединенную конференцию членов редколлегии журнала «Всюду жизнь» или «Всесоюзный слет членов и кандидатов редколлегии журнала «Критик на страже». Собираться можно в филиале Большого театра или в зале Консерватории, только не в малом, а в том, который побольше, там, где портреты розовощеких композиторов в ермолках и париках.

В чем же дело? Почему существуют редколлегии, которые ничего, собственно, не делают и, скажем откровенно, совсем ненужны трудящемуся человечеству?

Редколлегия превращается в громадное учреждение, потому что при ее составлении не желают никого обидеть. Она создается по такому же принципу, по какому составляется любой литературный президиум.

В коллегии обязательно входят:

1. Один ведущий писатель (лучше два ведущих или три; было бы, конечно, еще лучше человек семь ведущих, но столько не наберешь, нету).

2. Три ведущих критика.

3. Один неведущий критик.

4. Один завидующий критик (чтоб не обиделся).

5. Процент женщин.

6. Процент молодежных писателей.

7. Процент братских писателей.

8. Процент оборонных писателей.

9. Процент беспартийных дарований.

10. Процент бывших рапповцев (чтоб не обиделись).

11. Представитель правления союза (чтоб присматривал за бывшими рапповцами насчет групповщины).

12. Один писатель, недавно сброшенный со щита (он же тайный эмиссар бывших рапповцев, чтобы наблюдал за представителями правления).

13. Процент детских писателей.

14. Один ведущий поэт с двумя приспешниками.

15. Один бывший внутрирапповский попутчик.

А дальше идут уже странности, сон, бред:

16. Тов. Ошейников (Стройнадзор).

17. Тов. Мизерник (Книгосбыт).

18. Тов. Клемансон (Мосоргучет).

Все это так тонко обдуманно, так внимательно учтены все литературные интересы и нюансы этих интересов, что, казалось бы, работа редколлегии должна принести грандиозные плоды. Но все ухищрения пропадают даром. Никакие такие особенные плоды не вызревают.

Члены редколлегии и не думают собираться. Они до такой степени привыкли к этой многолетней фикции, что и им в голову не приходит принять свое назначение всерьез.

Однако, если их не включают в члены, они очень сердятся, принимают меры, хлопочут, даже плачут. Они обидчивы как артисты летней эстрады.

И чтоб с ними не связываться, не вести лишних разговоров, их включают в различные списки. Таким образом, во всех толстых журналах существует почти одно и то же литературное начальство с небольшими вариациями: вместо одного завидующего критика иногда бывают два, иногда процент детских писателей бывает недостаточен, например вместо полутора процента детских включаются только полпроцента (это дает возможность детским писателям поднять крик о том, что их затирают взрослые писатели в союзе с оборонными), а иногда забывают тов. Клемансона (Мосоргучет), и он попадает не в двенадцать редколлегий, а только в восемь.

И вечером бледный Клемансон (Мосоргучет), сидя за чаем с женой, говорит хриплым голосом:

— У меня есть враги. Это штуки Мизерника.

И он долго рассказывает жене о подлостях Мизерника (Книгосбыт).

Если к этому добавить, что ответственный редактор, как правило, не является ни взрослым писателем, ни детским, ни оборонным, ни женским, что он не пишет списков, не сочиняет критических статей, никогда не ходит в свою редакцию, а дома снимает телефонную трубку, чтобы к нему никак нельзя было дозвониться, и что он к искусству вообще относится отрицательно, — то, как говорится, во весь рост встает вопрос: кто же все-таки делает журнал? Журнал-то ведь выходит! Раз в четыре месяца, но выходит ведь!

Журнал делает молодой человек, начинающий технический работник.

В первый год своей деятельности он еще очень скромно, смотрит на писателей расширенными глазами, носит ковбойку с открытой грудью и штаны с велосипедными браслетками на щиколотках. От него еще пахнет фабзавучем, и он с почтением произносит слова: гранки, боргес, рамка, шмуцтитул, колонцифр.

К началу второго года у него на шее появляется галстук из универсального базара, писатели уже угощают его папиросами, и он звонким голосом кричит в телефон:

— Возьмите Гладкова на шпоны, тысячу раз вам говорил! Никулина оставьте в загоне, не входит. Ничего! Он уехал в Кисловодск, не узнает. Да, и не забудьте вставить в список сотрудников Ошейникова и обязательно инициалы поставьте — М. И. А то он обижается.

Покуда молодой человек еще руководится чисто техническими соображениями, но на третий год деятельности ему приходится самому приглашать авторов читать рукописи и давать ответы, потому что если это не делает он, то никто этого не сделает и журнал механически закроется. Это было бы еще полбеды. Но тогда он, молодой человек, потеряет службу. А это уже не годится.

И в то время как сброшенный со щита интриган вступает в беспринципный блок с тремя ведущими критиками и процентом женщин против завидующего критика, объединившегося с бывшим внутрираповским попутчиком и процентом беспартийных дарований, в то время как Клемансон (Мосоргучет), прикрываясь именами ведущих писателей, тихо добывает Мизерника (Книгосбыт) и Ошейникова (Стройнадзор), молодой энтузиаст типографского дела принимает на себя всю полноту власти в редакции.

Теперь на нем сиреневый костюм. Молодыми зубами он грызет мундштук вишневой трубки и кричит голосом леопарда:

— Слабо! Не пойдет! Надо короче! Фигура Перловского у вас получилась неубедительно. Нам нужен социалистический реализм, а у вас поздний романтизм. Да, заходите, конечно. Только не в пятницу. В пятницу я на даче.

Как будто все.

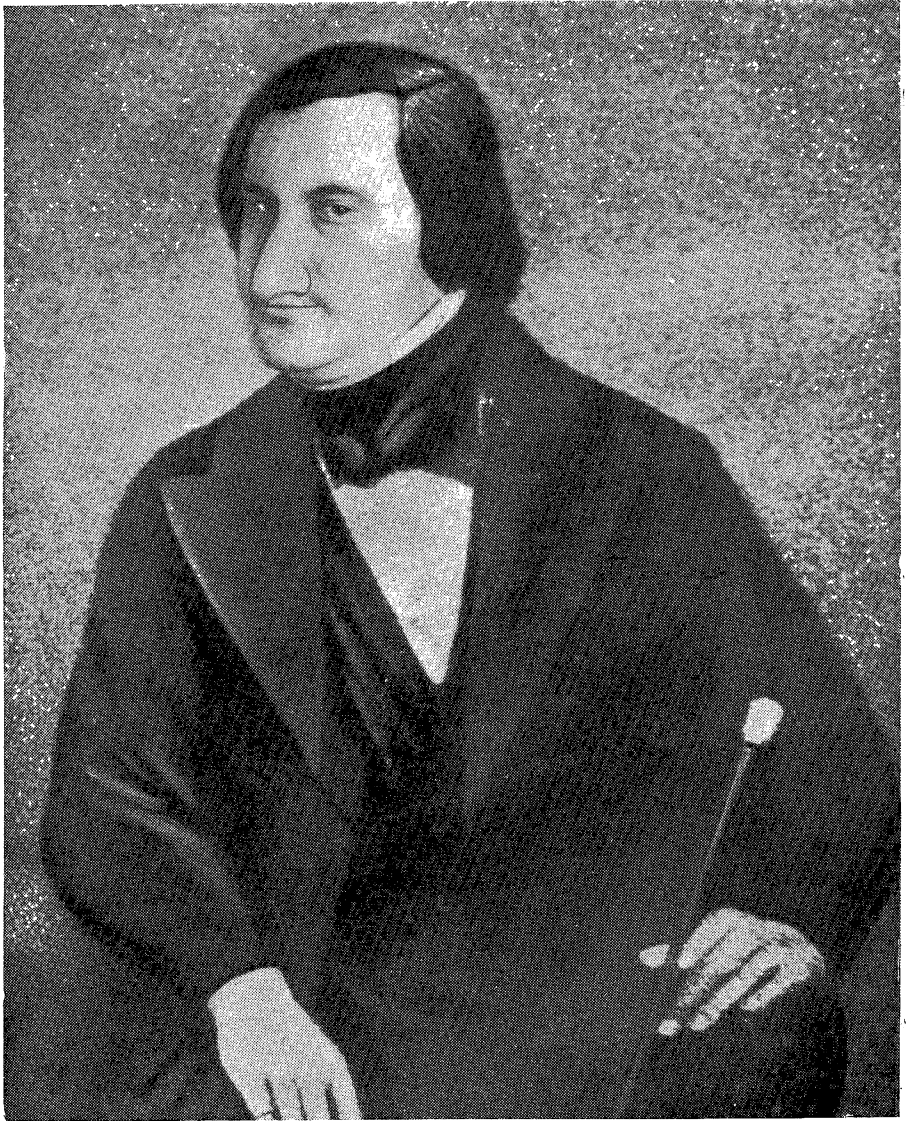
Есть еще одно соображение, но какое-то оно слишком уж оригинальное, неожиданное, — кажется, даже неприличное.

— Не нужен ли толстому журналу редактор? Чудный взрослый редактор, такой редактор, который приходит в свой журнал утром, который уходит вечером, который работает так, как работают тысячи директоров заводов. Пусть сам читает рукописи, пусть сидит с карандашом в руках, правит, говорит с авторами об их произведениях, пусть, черт возьми, обожает литературу, пусть жить без нее не может, пусть обливается слезами радости, найдя новый талант, пусть ищет эти таланты и, ко всему этому, пусть будет ответственным.

В конце концов, писателю не так уж много нужно.

В. КАТАЕВ

Шарж Б. Клинка

В портрете — манера крутая,
Не стиль, а сплошной гоголь-моголь:
Посмотришь анфас — В. Катаев,
А в профиль посмотришь — Н. Гоголь!

АРК. БУХОВ / ЦИТАТЫ НА ХОДУ

Некоторые классики писали сплошными цитатами.

Например, — Пушкин, Александр Сергеевич, Грибоедов, Александр Сергеевич. И еще несколько других Александров Сергеевичей. Это очень трудно для чтения, так как приходится запоминать текст. Гораздо легче освоить более современного классика, из которого сравнительно легко запоминаются лишь досадные опечатки в романе или перевернутые строки в поэме.

Но, с другой стороны, современно классика цитировать не так лестно. За более капитальные цитаты штрафуют от 1 руб. до 3 руб. милиционеры на улицах, а при легкой цитате матери обеспокоенно начинают уводить детей.

Остается одно — осваивать классическое наследие и цитировать, когда надо и не надо, классиков. Но и это надо делать чрезвычайно тактично, так как многие цитаты устарели и уже не подходят к быстротекущим событиям сегодняшнего дня.

Бестактно, например, рассказывать об увольнении домработницы и снабжать столь эпическое повествование эффектной цитатой:

Вчера я отворил темницу
Воздушной пленницы моей...

Дурное впечатление на окружающих производит и такая цитата около киоска с нарзаном:

Отрок, дай большую чашу,
Вдоволь пить хочу из ней.

А разве не странное впечатление оставляет такая классическая цитата, вставленная при оспопрививании:

Швед, русский — колет, рубит,
режет...

Следовательно, классическую цитату надо освоить, проработать, приблизить ее к сегодняшнему дню, влив в нее новое содержание. Так как у писателя-одиночки для этого вряд ли хватит досуга, мы предлагаем его вниманию уже готовые, переделанные цитаты, снабдив их указанием, где и при каких обстоятельствах их лучше всего произносить или вставлять.

При прочтении хвалебного отзыва чужой книге

Что слава? Яркая заплата
На ветхом рубище, доставшемся по
блату!

Вечером, за копченой колбасой

Кто царь-колокол поднимет,
Кто царь-пушку повернет,
Кто Алтаузена обвинит,
Кто Сельвинского поймет?

При чтении героической поэмы в вечерней газете

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То — «Пока, пока, пока...»

В обществе о близком друге

Когда его печатать перестали,
Кричали женщины «ура»
И в воздух чепчики бросали.

Ночью, во время потения после аспирина

И долго буду тем любезен я
народу,
Что, написав роман, его я бросил
в воду.

Младшему сыну, который хочет стать писателем или чем-нибудь другим

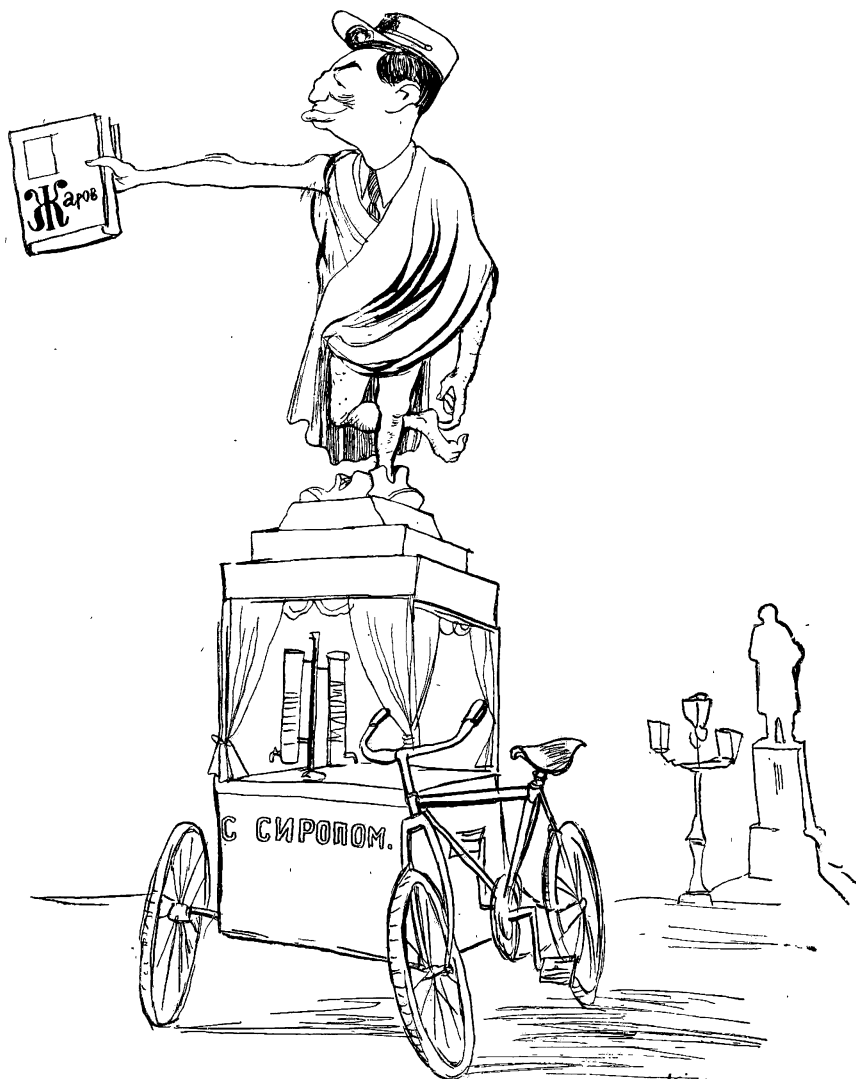
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись украсть.

БРОВЕНОСЕЦ ЛУГОВСКОЙ

Шарж Кукрыниксы

Его талант в расцвете сил,
Он трижды храбр — к чему лукавить?
Его Таиров пригласил,
Чтоб слог у Пушкина подправить.

Кукрыниксы. 34

На зло всем отсталым Европам
Себя в монумент превращу!
Сиропом, сиропом, сиропом
Читателей я угощу!

ВИКТ. АРДОВ / ЗАПРЕЩЕННЫЕ ПРИЕМЫ

А теперь перед борьбой запрещенные приемы покажут Ван-Риль (Голландия) и Бамбула (Африка). Ван-Риль, Бамбула,— на середину! (Свисток)

Из изречений арбитра Дяди Вани (Лебедева).

Каждый парад-алле включает в себя демонстрацию запрещенных приемов. Усматривая в происходящих ныне литературных событиях также и свойства всесоюзного парада, мы берем на себя обязанность Ван-Риля (Голландия) и Бамбулы (Африка) (см. эпиграф к этим строкам) и перечисляем несколько приемов, употребление которых в литературе было бы теперь неправильно.

Речь идет о таких персонажах, существование которых в наши дни сомнительно. Включение их в литературные произведения безусловно запрещено.

Кто же такие эти лица?

А вот кто.

№ 1. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ АЛКОГОЛИК

Этот персонаж имеет свою историю. Несколько лет назад один из советских авторов (сейчас еще не установлено точно, кто именно), мощными и смелыми мазками набросав положительный образ активного участника строительства, вдруг задумался.

— Гм, гм, — произнес он, потирая подбородок, — конечно, образ получается монументальный. Можно сказать, титанический выходит образок. Исполнинская фигура. Циклопическая даже. Но — боюсь я, как бы не стали придирааться по линии живого человека... Скажут, мол, где же это видано, чтобы ни одной слабости... Да! Придется, очевидно, снабдить моего колосса слабостью... Но какой?

И тут автор стал все известные ему пороки примерять на своего героя. Он накидывал на героя один за другим смертные грехи и дурные страсти, но все было не по мерке.

— Чревоугодие? — бормотал автор. — Лизоблюдство? Нет! Лихоимство? Клятвопреступление? Нет, нет! Отцеубийство? Тщеславие? Стяжательство? Скопидомство? Все не то!..

И вдруг автор нашел:

— Алкоголизм! Да! Это вполне приличный порок. Как раз то, что нам нужно!..

Так возник первый образ положительного алкоголика в советском искусстве, подражаниям же нет числа. Отсюда пошли рабочие-ударники с пол-литровкой в кармане, летчики, выпивающие стопками в буфете аэрод-

рома; научные работники за кавказским коньяком; геологи-разведчики с флягами на бедре, и так далее, и тому подобное.

Отныне этот приемчик полагается запрещенным. Не всякий «живой человек» — алкоголик. Да-с!

№ 2. ЯЙЦА, ОБУЧАЮЩИЕ КУРИЦУ

Наиболее опошлены три варианта:

- а) октябренок учит бабу;ку;
- б) пионер учит отца,
- в) комсомолец учит деда.

Заметьте: октябренок никогда не посмеет обучать отца, равно и комсомолец не снизойдет до бабушки, а пионер просто плюнет, если ему попадется дед. Штампы раз навсегда отлиты:

а) Октябренок учит бабуку. Идут, главным образом, идеологически невыдержанные песенки с корявыми стихами:

«Бабушка глухая —
Ничего не слышит,
И почти слепая,
Еле-еле дышит.
Внучек-октябренок
Так хорош на вид,
Умный ребенок
Бабушке говорит:

— Таким образом, бабушка, прошлый раз мы остановились на происхождении млечного пути и туманностей. Как видите, с точки зрения космогонии гипотеза о существовании Иеговы абсолютно несостоятельна. Характерно, что туманности Андромеды и Ориона...»

И так далее.

б) Пионер с отцом идут преимущественно на случаи алкоголизма отрицательного (не путать с приемом № 1). Пишется так:
«Отец побагровел. Лицо его стало страшным.

— Убью, щенок! — закричал он. — Отдай пол-литра!

Котя хладнокровно поправил пряжку на своем пионерском галстуке и сказал:

— Если ты сейчас же не перестанешь бузить, завтра об этом будет известно треугольнику и общественности твоего завода, не говоря уже о возможности написания специальных заметок в стенновку и многотиражку. Мама, проводи папу до кровати...»

Так пишется, но так не бывает.

в) Комсомолец учит деда, чаще всего в деревне. Кому не знаком, например, такой финал колхозного рассказа?

«Старик растер в заскорузлых руках спелый и налитой колос, величиной в два с половиной раза превосходивший обычную крестьянскую ржицу. Губы старика беззвучно шевелились.

— Ну, как же, дед? Верить теперь? — спросил Николай.

— Видать, ваша взяла, мнучек, — забормотал старик. — И без молебна и такой урожай... Все наша вековая серость и необразованность, а также недооценка агрикультурных мероприятий как таковых...»

№ 3. ОСКОЛОК ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Представьте себе, находятся авторы, которые пытаются уверить своих читателей в том, что до сих пор существуют индивидуумы, не перестроившиеся со времени гражданской войны. Будто бы эти люди за истекшие 14

лет не разместились на многочисленных, так называемых «мирных фронтах», не прошли учебы, не принимали участия в строительстве, и т. д., и т. п. У этих авторов время от времени появляется среди действующих лиц (обычно поздно вечером) небритый, заросший гражданин, в пятнистых обмотках и шинели без застежек. Гражданин этот сваливает заплочный мешок на пол и, наследив на натертом паркете, протягивает грязный указательный палец в сторону книжной полки хозяина:

— Обрасташь, я гляжу.

— Это же партиздатовский Энгельс.

— Не знаю, что это, а только, небось, в 19-м году под Астраханью у тебя этой полки не было. Да что говорить! Вчера встречаю Митрохина: идет на машине.—«Закомиссарился, — говорю, — все на автомобилях». — А он мне: — «Это моя лично машина». Ну, не подлец?

— Позволь, Митрохин же по автообязательству получил машину.

— Это, брат, я ничего не знаю. Знаю, что в 18-м году мы собственников автомобилей ставили к стенке... Ну, извини, брат, я спать желаю... Там вон, в углу, постелю шинель и на боковую. Если хочешь хлеба, у меня в мешке. Да нету ли махорки свернуть?..

Прелестно и правдоподобно.

№ 4. БРАТИШКА-ПРОФЕССОР

В действительности существуют профессора различных наук, в прошлом матросы. Но милым авторам этого мало. Им желательно, чтобы братишка, пройдя курс наук, сохранил в целости весь свой жанровый комический букет. Так рождается монолог братишки-профессора в нижеприведенном стиле:

— А што Хехель натрепался за это? А Хехель так чешет, што, скажем, вира у нас — тезис, майна — антитезис, а в середке обратно — синтез. Вот диалектика на це выходит. А Фейербах што гуркотыт за это? Фейербах берет тую субстанцию и говорит: «Это же, братва, чистый идеализм, это же надо в расход вывести...»

№ 5. ПРОФЕССОР СТАЛ НАШИМ

Все ясно.

№ 6. СТАРЫЙ РАБОЧИЙ — САМ РУГАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ, А ДРУГИМ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ

Тоже понятно.

№ 7. ГНИЛОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ

Известно.

Список можно бы продлить, но время, положенное на демонстрацию запрещенных приемов, вышло. Пора снова играть марш. Парад-алле!

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ / О ПЛОХОМ ЧИТАТЕЛЕ

РЕЧЬ, НЕ ПРОИЗНЕСЕННАЯ
НА СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕ

Товарищи, пока мы тут заседаем, читатель тоже не спит. Он читает наши книги. Мы его превозносим — и правильно! — ни в одной стране нет такого передового, чуткого, прекрасного читателя, как в Стране советов, но сильная дифференциация нужна и тут. Хороший читатель вовсе не идет сплошняком, как вобла, — и в его густых рядах попадаетея немало гнилой рыбешки. Эту гнилую рыбешку мы и хотим выловить, ибо нельзя хлестать по морде писателя-пошляка и забывать о том, какая среда его питает.

Советская литература — самая передовая литература в мире, но это вовсе не значит, что в ней мало отдельных безобразников, которые тормозят, как умеют, победный рост литературы Советов. Их много, этих персонажей — советская сатира должна их бить до тех пор, пока они или сгинут совсем или станут достойными звания советского писателя.

Плохой читатель — первый пособник, подстрекатель, потребитель и распространитель литературной гнили. Его мы должны разоблачать неустанно. Что он собой представляет — плохой читатель?

Он многообразен, но разберем хотя бы несколько черт.

Прежде всего он любит грусть. Подавай ему литературных Вертинских. Как только появляется очередной Пьеро, который начинает спекулировать на минорах, так сейчас же гнилая аудитория расцветает: «Ах, какой гений! Ах, какой он искренний!»

«Искренность» — это та доплата к гонорару, на которую особенно щедр гнилой читателишка. Он закрывает глаза, дуралей, и млеет.

В довоенное время был редактор, который прямо так и заказывал материал для своего журнальчика: «Вы, — говорил он молодым авторам, — дайте грустное стихотворение или грустный рассказик. Читатель любит грустное».

Этот заказчик еще не исчез. Как видите, он еще существует. А плохой читатель его поддерживает. Литературный пошляк-минорщик кривляется: «Ах, я не могу, ах, я не в состоянии!», а гнилой читателишка сладко вытирает слезы — вот, нашел друга-болельщика! Пусть «друг» разливается в ресторанной лирике — ему все равно, ему лишь бы погрустить.

И не то позор, что человек грустит, — грусть свойственна человеческому сердцу, — но когда вы перестанете, наконец, поддаваться самому дешовому литературщицкому приему «грустного» щекотания, ресторанному, соусами закапанному литературному слезнику Вертинских? Здоровенный тип с пунцовой физиономией, вернувшийся с морского пляжа, нередко занимается грустью в качестве легчайшего литературного заработка. А читатель его поддерживает.

Не далеко от этого ушел и другой вид плохого читателя — читателя-консерватора. Ему нужна традиционная литература. Дайте ему литературу, которая бы его не беспокоила! Он не хочет беспокоиться!

Он хочет приходить домой со службы, обедать, расстегнув пуговку на жилете... а потом читать что-либо привычное, чтобы его ничто не смущало.

О чем теперь пишут? О колхозах? Пожалуйста, пусть о колхозах (какая уступка!), но чтобы слова и формы были привычные, чтобы было так: «Иван Иванович встал утром и поехал в колхоз». Раньше это было: «Встал утром и поехал в акцизное управление». А теперь он поехал в колхоз. Ну и хорошо. И дальше чтобы тоже все было в порядке: «Небо было голубое, и облачка были похожи на барашки». Полагается, чтобы все было на что-то похоже. И еще описание природы: «Спозаранку заиндевели поземки». Вот здорово! И еще: «Цвел можжевельник».

Этот можжевельник цветет со времен Лажечникова — и должен цвести. Спокойнее, когда он цветет. Надо, чтобы было привычно, уютно, чтобы не беспокоило. И чтобы сравненьце было: «Небо было, как...», «Лошадь была, словно...»

Новые сравнения, острые сравнения ему ненужны. Сравнения должны быть, как разношенные туфли.

Вот кто жрет эти пухлые бездарные повести и романы литературных романостряпателей!

Стряпатель садится и пишет! Ему все равно: колхоз — так колхоз, завод — так завод. А тот читает — мягкотуфельную, разношенную, тупую писанину, которая не беспокоит и не заставляет бычьи мозги ни о чем подумать!

И, разумеется, еще более он рад, если нет никаких колхозов и рабочих, а есть что-нибудь из прошленького — еще спокойнее, слава богу, про соцсоревнование ничего не сказано — совсем хорошо!

Вот кто питает толстые заскорузлые консервативные романы, которые попадают в журналы и издательства.

Какая же должна быть сила у советской литературы, если она цветет, несмотря на эти камни, которые давят ее молодые стволы и стебли! Какая сила! Какой еще большой расцвет предстоит нашей литературе — самой революционной из литератур!

Какая растет у нас литературная молодежь! Но, увы, уже есть эстрадный тип молодого писателя, который изрыгает в пасть читателя-слушателя эстрадные вопли, а главное — уже пишет только то, что «нравится». Не то пишет, к чему влечет его неисчерпаемый источник тем, рожденных социалистическим строительством, а «что нравится» читателю — опять-таки этому самому, гнилому, любителю легкого, привычного, старенького, грустненького, консервативного и плодящего своего пошляка-писателя!

Но это не удастся ему! Не удастся! Никак не удастся! С каждым годом, с каждым месяцем, с каждым днем растет многомиллионный новый читатель — подлинный соратник и друг нового советского писателя!

Он не боится, а приветствует новые литературные формы — следствии нового содержания!

Он не боится новых мыслей, нового изображения, новых, сильных чувств, новых людей, радости и счастья новой жизни, в которой есть над чем и подумать, и позаботиться, и работать — очень много работать — и творчески отдыхать на книгах творческих единомышленников.

За этого читателя мы будем драться, этого читателя мы будем восхвалять, ему мы будем отдавать на суд свои книги, а читателя гнилого будем бить самым злым бичом сатиры, как и гнилого писателя, которого он взрашивает!

КНЯЖНА КАРАВАЕВА

МИХАИЛ ПУСТЫНИН / ЛЯГУШКА И ВОЛ

(ПО КОРНЕЮ ЧУКОВСКОМУ)

Жила-была лягушка —
Резвушка и вертушка,
И с нею дружбу вел
Вол.
Однажды лягушка сказала:
«Скакать по болоту мне мало!

Что без цели мне слоняться
На лугу,
На лугу?

В толщине с волом сравняться
Я могу,
Я могу.

Замычу — так заглушу я пушку!
У меня на это хватит духа!»
Все решили: добрую лягушку
Укусила муха-цокотуха.
Стала сразу упорная спорщица
Надуваться, пыхтеть и топорищить-
ся:

«Ну, скажите, друзья, ква, ква, ква!
Какова я теперь, какова?»

Прибежали утята,
Прибежали гусята,
Прибежали цыплята

И ничего особенного не нашли.
Но что это? Бах!
Но где это? Трах!

Насекомые ринулись в прах,
А животных объял лютый страх...

«Ужель это пушка?»
«А, может, хлоппушка
Нечаянно хлопнула?»

Толпа обомлела:
Лягушка—лопнула
И о-ко-ле-ла!..

ПОХОРОНЫ ЛЯГУШКИ

По кочкам и сугробам,
Два тяжких дня спустя,
Вол ковылял за гробом
И плакал, как дитя.
Шли торжественно утята,
За утятами—гусята,
За гусятами—цыплята.
А за ними шли знакомые
и незнакомые
насекомые.

Замыкали грустный ход
Крокодил и бегемот,
А лягушкина мама—сади всех на
извозчике...

* * *

Над унылой могилой
Раздавались речи,
И с подружкой-лягушкой
Вспоминались встречи...

* * *

...Расходились по домам,
по домам,

И шептались по углам,
по углам:

«Плохо кончают пресмыкающиеся,
От родни отрекающиеся!»

«Лопнула подружка:
Зависть извела!»

«Если ты лягушка,—
не верти вола!»

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПАСЬЯНС

Шарж Сойфертиса

УСИЕВИЧ: — Интересно все-таки знать, кто из них в ведущие выйдет?

АРМАҢС ЗОИЛОВ / БИТВА ПРИ КАЛКЕ

Излагаем схематический случай.

Писатель «А» написал роман, который мы обозначим буквой «Б».

Роман этот добросовестно прочитали в разное время различные читатели, которых мы назовем литератами «Б», «В», «Г», «Д» и «Е».

Вслед за тем в нашу теорему вступает критик Ж. Критик Ж написал рецензию о романе Б писателя А.

Добросовестные читатели Б, В, Г, Д и Е в поезде, за чайным столом, в обеденный перерыв, на сон грядущий и в день отдыха просмотрели критику товарища Ж по поводу романа Б писателя А. Прочли и остались довольны этим ценным путеводителем по роману Б.

До сих пор все шло нормально.

Но тут в эпизод вмешался второй критик, которому мы присвоим букву «З».

Критик З прочитал и роман Б писателя А и рецензию на него критика Ж. Поэтому он выступил, так сказать, во всеоружии и писал уже больше по поводу того, что сказал критик Ж. В общем критик З был не согласен с критиком Ж.

Читатели Б, В, Г, Д и Е в трамвае, в перерыве между двумя блюдами обеда, на пляже, в фойе кинематографа и в очереди у парикмахера прочитали новое для них высказывание критика З. Прочитали и в соответствии с ним пересмотрели свою точку зрения на роман Б писателя А и критику товарища Ж.

Но, к общему несчастью, критик Ж считал, что в нем бьется полемическая жилка. Прочитав высказывание критика З о его статье по поводу романа Б писателя А, критик Ж скроил ехидную улыбку и сел писать ядовитый ответ критику З.

«Товарищ З, — писал он, — усматривает формализм (sic!) в пейзажах товарища А. Это критика, которой З прикрывает свои мировоззренческие пробы, может вызвать улыбку у самого мрачного читателя. Ну что же, разберемся в концепцийке товарища З...»

Разбирательство это заняло 20 страниц на пишущей машинке. И, только подписав статью, критик Ж вспомнил, что, собственно, о романе Б писателя А в статье ни слова не говорится. Но статья была уже готова, восклицательные знаки, курсивы и sic'и были расставлены с большим искусством, и, главное, критик Ж предвидел драку в редакции по поводу огромного размера статьи. Переделывать не стоило. Критик Ж и не переделал.

Статья вышла. Читатели Б, В, Г, Д и Е, потирая лбы и с трудом разбираясь, прочли ее, лежа на мосдревовской кушетке, в приемной амбулатории, в автобусе, где особенно прыгали строки, на даче и в антракте в театре.

Но прочел ее и критик З.

Полемическая жилка в критике З сильно уступала жилке согласовательной. Но зато в нем, как это иногда бывает, мощными ударами давала знать о себе жилка красоты.

Случай был исключительный. Критик З оторвался и полетел навстречу красоте в своей ответной статье.

«Что такое формализм, спросим мы нашего темпераментного оппонента? — писал критик З и тут же отвечал за своего темпераментного оппонента: — Формализм есть аспидная пентограмма духа, куда вписывается пламя наших дней. Формализм есть некое граненое вместилище бирюзовых, смарагдовых и муругих флюидов, которых мы охотно украшаем бесценной для всех тиарой с эпитафией «Эпоха». Формализм есть тангенс революции, прильнувший к астролябии красоты...»

И так далее на 800 строках убористого текста (текст всегда бывает убористым). Разумеется, в таком тексте упоминание романа Ы писателя А было бы просто бестактным. Бестактности и не было.

Были зато мучения читателей Б, В, Г, Д и Е, которые пытались разобраться и в аспидной пентограмме, и в муругих флюидах, и в астролябии красоты. Но читатели Б, В, Г, Д и Е были добросовестны и доверчивы. В кооперативе, у зубного врача, в предбаннике, на ночном дежурстве, в ожидании трамвая они расшифровывали муругие тангенсы.

И тут сразу же отпал читатель Б: то ли он был менее добросовестен чем другие, то ли менее подкован для освоения тиар с эпитафией, но он отстал.

А критик Ж не отстал: следуя за своей полемической жилкой, он уже строчил:

«Жалкая школка товарища З пытается протащить тезисишко, что формализм украшает (!!) нашу (!!) действительность. Разберемся в этом бреде...»

Когда статья (1200 строк убористого текста) вышла, вместе с нею вышли из игры читатели В и Г. Оставшиеся читатели Д и Е посерели, худо спали и часто плакали.

Критик З в ответ еще раз рванулся обоими крыльями к великому идеалу:

«Нет, мы несогласны с апофемой нашего иконоборца. Реальное не есть ли великий абрис вазы бытия, исчерченной иероглифами радостей и чада?...»

Ну, и т. д.

На этом этапе отвалился читатель Д. Просто испугался воспаления мозга и не стал расшифровывать, что—чад, а что—абрис.

Критику Ж суждено было отвалить и последнего читателя—Е: прочитав очердную статью критика Ж («Разберемся в бреде нашего оппонента. Основное его убеждение...» и т. д.), читатель Е тоже плюнул и отстал.

Но полемика только разгоралась. Критики Ж и З вошли во вкус. Уже отстал и сам писатель А—автор романа Ы.

Теперь никто уже не понимал, о чем, собственно, вещают критики. Они задавили и добросовестных читателей и оставшего автора.

Расширив нашу схему до большого исторического полотна, мы уподобим ее битве при Калке (1224 г.). Именно в этой битве победители-татары пировали, положив доски на трупы поверженных славян.

Не так ли пируют некоторые наши критики?.. Брр... Мороз пробегает по коже.

МАЛАШКИН

Шарж М. Черемных

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
Но заросла к нему народная тропа..

Г. РЫКЛИН / СЛУЧАИ В МЯГКОМ ВАГОНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Первый пассажир.

Второй пассажир.

Третий пассажир.

Четвертый пассажир.

Место действия — четырехместное купе мягкого вагона.

Явление первое.

Сидят друг против друга — Первый и Второй.

Первый (исподлобья глядит на спутника. В сторону). Кажется, подходящий тип. Вероятно, агент по снабжению. Берет взятки. Сволочь! И как будто не дурак выпить. Напьется и хвастает, бахвалится. Непременно опишу его в своей книге «Недружеские шаржи» (*вынимает блокнот. В сторону*). Запишу внешние черты. Хищное, неприятное лицо. Бессмысленные глаза (*пишет*).

Второй (исподлобья глядит на Первого. В сторону). Кажется, подходящий тип. Вероятно, замначканц какого-нибудь треста. Сразу видать, подхалим. Молодой бюрократ, подающий надежды. В служебное время совращает машинисток, а в дни отдыха дуется в карты. Готовый портрет для моей будущей книги «Осколки прошлого». Что-то он там записывает, надо полагать, готовит фиктивные счета по командировке. Надо будет этак умело поговорить с ним (*обращается к Первому*). Курите? Пожалуйста.

Первый. Спасибо (*в сторону*). Любопытно поговорить с таким субъектом (*громко*). Далеко едете?

Второй. Далеко. Скучно что-то.

Первый (в сторону). Интересная деталь — скучающий бюрократ.

Второй. А коли скучно, почитали бы что-нибудь.

Первый (снижительно улыбаясь). Я ничего не читаю.

Второй. Не привыкли?

Первый. Мне не до чтения. Я — писатель.

Второй (вскочив). Что?! Вы — писатель?.. Какое счастливое совпадение. Я — тоже писатель.

Первый. Вы — писатель?!

Второй. Разрешите познакомиться: известный беллетрист Игорь Гунявский.

Первый. Очень приятно. Очень. Какая счастливая случайность. Нашумевший автор еще не вышедшего романа «Двоюродные братья Карамазовы» Иннокентий Зорин.

Второй (в сторону). Понятия не имею (*громко*). Искренно рад, что могу лично выразить вам чувство своего восхищения. Какая образность языка! Какой трепет взволнованной мысли! И какая экономия красок!

Знаете, я бы на вашем месте прибавил немного красок. Чего их, в самом деле, жалеть?

Первый. Я тоже так думаю. Больше жалеть не буду.

Второй. Вы куда, разрешите спросить, едете?

Первый. В творческую командировку. А вы?

Второй. В том же направлении...

Явление второе.

Те же и Третий пассажир.

Третий (входит молча. Медленно раскладывает вещи. Не глядя ни на кого. Потом вдруг оборачивается к сидящим в купе и говорит весело). Опять поезда опаздывают. Три часа торчал на станции. Ну, и порядки! Ну, и порядки! (выходит из купе).

Явление третье.

Те же без Третьего.

Первый. Как вам нравится этот экземпляр?

Второй. Типаж!

Первый. Сразу видать — мошенник.

Второй (проникновенно). Это лжеспец, Примазавшийся. Несколько раз его разоблачали и выгоняли со службы. Но всякий раз ему удается опять получить работу. Пьет и закусывает раками. Играет на бильярде.

Первый (закатив глаза к потолку). Типичный глушитель радионализаторских предложений. Самоснабженец от головы до пят. Склочник во всей своей наготе. Гладко причесанные волосы (выхватывает карманный блокнот и быстро записывает).

Второй (тоже записывает в блокнот). Любит рассказывать сальные анекдоты. На левом мизинце — большой ноготь. Желтые крапи.

Первый. Идея! Ведь этот тип — общая находка. Мы же с вами ищем отрицательных типов. Давайте — пополам. Напишем вместе.

Второй. Идет! С вами готов сотрудничать. Пятьсот строк — по двести пятьдесят на брата... Но, как говорят в пьесах: тише, он, кажется, идет...

Явление четвертое.

Те же и Третий.

Третий (входит). Ну, и порядки (садится). Ни холодной, ни горячей воды. Поезда опаздывают. В уборной грязно (в сторону). И здесь к тому же еще какие-то два подозрительных субъекта. Обоим не выдали паспортов — вот и ездят в поисках счастья. Найдутся доверчивые люди (ох, бдительности у нас мало!) и устроят их на службу. Там опять будут воровать и грабить. А потом посорятся и друг на друга донесут. Любопытный сюжетец, строк на триста пятьдесят. Надо записать их внешние черты (записывает). Оттал... Отталки... Кажется, два «т»? Отталкивающие наружности. Наружность — после «ж» нужен мягкий знак или нет? На всякий случай поставлю. У второго — симпатичное лицо. Неважно. Запишем так: лицо в прыщах, мутные глаза...

Первый (вкрадливо). Вы чем-то недовольны?

Третий. А что? Да так... Вообще... Плохо у нас с транспортом. А вот этот поезд! Грязно. Некультурно. Обязательно все эти факты внесу в книгу.

Второй. А имеется ли здесь жалобная книга?

Третий (с достоинством). В мою книгу путевых очерков.

Первый и Второй (в ужасе). Вы... Вы тоже писатель?

Третий (не понимая). Что значит — тоже писатель? Я — настоящий писатель.

Первый (*уныло*). Разрешите познакомиться... Какое счастливое совпадение... Нашумевший автор еще не вышедшего романа «Дворянские братья Карамазовы» Иннокентий Зорин.

Второй (*зло*). Известный беллетрист Игорь Гунявский.

Третий. Очень рад! Автор еще незаконченной комедии из иностранной великосветской жизни под названием «Ах, вы, сени, мои сени». Главные действующие лица: маркиза Супрам де-Валаяй, лорд Ростбиф, делец Артур Шницель, банкир Жорж Антрэ-Кот. Все разлагаются. Фокистрот, патефон и шампанское. Мое литературное имя — Феоктист Лунев.

Второй. Скажу вам прямо в лицо. Не буду стесняться. Люблю вас читать. Какая образность языка! Какой трепет взволнованной мысли! И какая экономия красок! Знаете, я на вашем месте прибавил бы немного красок. Чего их, в самом деле, жалеть?..

Явление пятое.

Те же и Четвертый пассажир.

Четвертый. Здравствуйте. Наконец-то дождался поезда. Здорово начал опаздывать. Уморился ожидаячи. (*вынимает мыло, полотенце, уходит*).

Явление шестое.

Те же без Четвертого.

Первый. Конкретное предложение. Будем считать его отрицательным типом. Организуемся в бригаду для эксплуатации этого естественного богатства.

Второй. Правильно. Коллективный труд. По двести строк на брата.

Третий. Согласен. Это типичный честный болтун. Провалил в своем районе яйцезаготовки. Привел к падежу кроликов. Составил очковтирательский рапорт...

Первый. Уволил рабкора. Не экономит горючее. Разбазаривает семенной фонд...

Второй. Под носом бородавка. Коротко подстриженные усы. На казенных лошадях ездит по личным делам. Развелся с третьей женой...

Явление седьмое.

Те же и Четвертый.

Четвертый (*сидится, вынимает пачку газет и просматривает их*). В это время трое писателей украдкой делают записи в блокнотах. Как только Четвертый шевельнется, они прячут блокноты и делают равнодушный вид. Четвертый разворачивает «Литературную газету». Это заметил Второй. Он с ужасом на лице толкает Первого, тот — Третьего).

Третий (*вскакивает с места, подходит к Четвертому*). Вы... Вы — тоже писатель?

Четвертый. Нет. Я — врач. А вы — писатели? Сразу трое живых писателей. Давно я не ездил с такими удобствами. Очень рад. Приятно побеседовать. Вы видите перед собой человека, интересующегося литературой. Кстати, не знаете, кто такие (*заглядывает в газету*) Игорь Гунявский, Иннокентий Зорин, Феоктист Лунев и Анатолий Минервин?

Первый. Минервин? Впервые слышу.

Второй. Остальных трех знаем (*улыбается*).

Третий. А в чем дело?

Четвертый. Прочел я вот в газете, что их в союз писателей не приняли. Кстати, разрешите узнать ваши фамилии...

(*Поезд останавливается. «Писательская бригада», захватив свои чемоданчики, стремглав выскакивает на перрон. Минутная остановка. Второй звонок. Поезд мчится дальше, как ни в чем не бывало*).

А. ВЕСЕЛЫЙ

Шарж Бор. Ефимова

Веселому я от души
Скажу: — Хороший ты писатель,
Но все ж ты книги так пиши,
Чтоб был веселым и читатель!

ПУСТЬ НЕУДАЧНИК ПЛАЧЕТ...

Рис. Н. Радлова

— Папа, я сегодня по сочинению получил пять.
— А я подал заявление в союз писателей и провалился по сочинению.

РОБЕРТ СУНДУКОВ / КРИВАЯ ПАДЕНИЯ

(ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ)

Январь. Последнее время я получаю значительно меньше повесток на заседания, творческие вечера, диспуты... Не знаю, чем это объяснить, но я рад: больше остаётся времени для работы. Готовлю к печати новую книгу очерков.

Февраль. Странный случай: вчера прибежал сотрудник газеты «Еда и пища», просил ответить на анкету: как я отношусь к приезду португальского дирижера дона Гомеэ де-Мосбелье?

Я ответил, что ждал этого приезда с семилетнего возраста. Ответил, а в сегодняшнем номере газеты «Еда и пища» моего ответа нет. Все ответы опубликованы: и Елифана Елпидифорова, и Ам. Грунина, и Ивана Порченого и Фани Корица и Хр. Сапусько — только моего ответа нет.

Февраль. Был на банкете в честь португальского дирижера Гомеэ де-Мосбелье. С самим Гомеэдом меня почему-то не познакомили.

Всех знакомили: и Елифана Елпидифорова, и Ам. Грунина, и Ивана Порченого, и Фани Корица, и Хр. Сапусько, а меня почему-то — нет.

Уже после ужина я подошел к португальцу сам, пожал ему руку и с чувством сказал ему единственное немецкое слово, которое знаю:

— Унд!

Март. Совершенно случайно узнал, что третьего дня был еще один банкет по поводу отъезда португальского дирижера Гомеэ де-Мосбелье. Меня, значит, и не пригласили.

Странно. За что? Кажется, я не пью и других не спаиваю, жену не бью, не хулиганю, а вот поди ж ты...

Апрель. Вчера в газете «Вечернее утро» упоминался список участников альманаха «Памятка амбарного слесаря». Написано так:

«В альманахе участвуют Елифан Елпидифоров, Ам. Грунин, Иван Порченный, Фани Корица, Хр. Сапусько и др.»

«Др.» — это значит я, потому что все остальные перечислены поименно.

Приехали. Докатились. «И др.»!

А ведь еще год назад я был одним из ведущих писателей!..

И главное—за что? Чем я провинился?!!

Апрель. Снес сегодня мою книгу очерков в издательство «Эпэте».

Главный редактор встретил сухо, а когда прочел титульный лист рукописи, прямо ощерился.

— Оставьте, — говорит, — хотя вряд ли подойдет: очерки...

Май. Кошмарный случай! Три дня назад знакомлюсь с одной очень интересной девушкой. Одета по моде: пальто духовного покроя с уланскими отворотами, на плечах украшения, как когда-то у музыкантской команды

царской армии. Волосы завиты перманентом — наглаз локонов 70 — это кладу по 3 рубля за локон. Шляпа держится наизусть как нимб, только набекрень. И при всем том чуткость необыкновенная. Меня знает по книгам, все читала, даже наизусть сказала из меня четыре абзаца.

Натурально, уславливаюсь о встрече на другой день. Жду. Ее нет. Звоню к ней: холодна как айсберг. Еле уговариваю встретиться для объяснения.

Приходит.

— Мне, — говорит, — противно иметь дело с обманщиком.

— Как то есть с обманщиком?! Вы же книги мои читали? Читали! Фотографию мою в витрине Леонидова видели? Видели! Я это или не я? Я! В чем же дело?

Она:

— Пожалуйста не притворяйтесь! Что вы за писатель! Что вы пишете?

— Очерки, — говорю.

— То-то и оно. Очерки — это не литература.

— Как не литература? Кто вам сказал?!

— Люди сказали. И спасибо, что сказали. Я, как дура, прихожу домой и говорю, что познакомилась с писателем. Дома спрашивают, как фамилия. Говорю. Конечно, хохот: «Хорош писатель! Это же очеркист!» Я туда, сюда. И добралась до истины.

— До какой истины?!

— До такой, что вы арап, а не писатель.

— Да кто вам мог это сказать?

— Все. Спасибо, у меня есть общий знакомый с Елифаном Елипиди-форовым. Позвонили и проверили: Елипиди-форов говорит: очерк — не литература. Я к Ам. Грушину: моя кухня с его женой была в доме отдыха. То же самое. Иван Порченный, Фани Корица, Хр. Сапусько... Все в один голос...

— Позвольте, да вам же нравилось то, что я писал? Меня же публика любит!

— Публика мало ли что любит! А вы не смеете обманывать советскую женщину. Прощайте. Когда напишете роман, позвоните.

Теперь мне все ясно... Меня губит внутрилитературное мнение.

Июнь. Я пожаловался кое-кому на несправедливость в отношении к нам, очеркистам. Сегодня в газете «Парнас у нас» статья в защиту под заглавием «Пусть уж и очерк». И вот результаты: сижу в Доме писателя, обедаю; долго не подают второго. Я прошу одного официанта послать того, который работает за моим столом. Через минуту слышу у себя за спиной беседу двух официантов:

— Не сложнет обождать, очеркист паршивый!.. Вон за третьим столиком Елифан Елипиди-форов изводит выбирать салат, не могу же я отойти...

Июль. Встретил знакомого фельетониста. Поплакал ему в жилет. Фельетонист смеется.

— Давно, — спрашивает, — с вами такая история?

— С полгода.

— Ну, а у нас, фельетонистов, это который год!..

Август. Сегодня слышал такой разговор обо мне (вслед, конечно):

— Этот, брат, почище Арапова будет.

— Мошенник, значит?

— Нет, хуже. Арапов, тот — честный жулик. Или заставит кого за себя писать или возьмет деньги ни за что. Словом, у Арапова все честно и ясно. А этот — этот, брат, ловко удумал. Писать он пишет сам и даже интересно пишет. И денег лишних не возьмет.

— Ну?

— Вот тебе и ну: что он пишет-то — одни очерки. Смекаешь?

— Ай-яй-яй! И чего это МУР смотрит?

Вчера сел писать роман. Плетью литературного обуха не перешибешь

„ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ“

Рис. Н. Радлова

— Первый раз в жизни заработал литературным трудом десять рублей: меня не приняли в союз писателей!

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Мих. КОЛЬЦОВ — Кто сместя последним	5
А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ — Эпиграммы	15
А. ПОЛУЗАЙЦЕВ — Черновики на полу	19
Иван ДИТЯ — Страшный с'езд	23
Арк. БУХОВ, В. КАТАЕВ, Л. НИКУЛИН — Литфак на дому Внешность писателя. Творчество. Вопросы представительства. Искусство сниматься. Мастер на трибуне. Продолжение предыдущего. Законы автографа. Причуды гения. Как блистать эрудицией. Командировки и творческие выезды. Вопросы драматургии и другие. Искусство перестройки	27—59
И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ — Кипучая жизнь	63
Арк. БУХОВ — Цитаты на ходу	69
В. АРДОВ — Запрещенные приемы	73
Ефим ЗОЗУЛЯ — О плохом читателе	77
Михаил ПУСТЫНИН — Лягушка и вол (по К. Чуковскому)	81
Арманс ЗОИЛОВ — Битва при Калке	85
Г. РЫКЛИН — Случай в мяском вагоне	89
Роберт СУНДУКОВ — Кривая падения	95

Иллюстрации, шаржи, карикатуры:

Б. АНТАНОВСКОГО, Л. БРОДАТЫ, Ю. ГАНФА, Бор. ЕФИМОВА,
Б. КЛИНЧА, КУКРЫНИКСЫ, Б. МАЛАХОВСКОГО, Н. РАДЛОВА, К. РОТОВА,
Л. СОЙФЕРТИСА, М. ХРАПКОВСКОГО, М. ЧЕРЕМНЫХ.

Обложка — Л. БРОДАТЫ.

ПОПРАВКА.

На стр. 10 (4-й абзац сверху) по недосмотру корректуры перепутаны строки. Этот абзац следует читать:

«Часто говорят, что не надо смешивать сатиру и юмор. Сатира и юмор, как принято считать, суть разные вещи. Да, это разные вещи. Но это вещи, это явления, которые соприкасаются и незаметно переходят по качеству одно в другое. Нет сатиры без юмора. Самая бичующая, самая гневная, самая скорбная сатира...» и т. д.